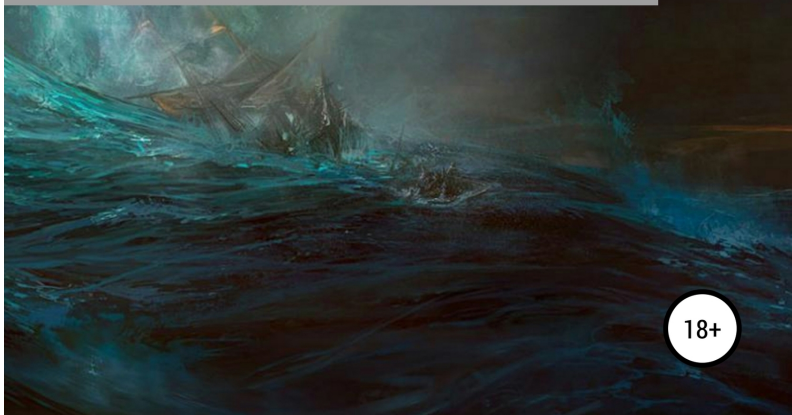

Лера Колосок

Белая ворона,

или Дневник ненормальной женщины

18+

Лера Владимировна Колосок Белая ворона, или Дневник ненормальной женщины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42398147

SelfPub; 2019

Аннотация

Белая ворона – книга в книге. Героиня ведет дневник, как бы сама пишет о себе книгу, свои воспоминания, переживания. События переплетаются с настоящим и прошлым. Все, о чем она не может поделиться ни с кем, в положении горького одиночества. Дневник помогает ей выжить и не сойти с ума в трудной ситуации. Описан период начала перестройки.

Часть первая

Дневник

День первый.

Я глубоко несчастный человек – меня все обижают. Никто меня не любит. Меня все призирают и ненавидят, все надо мной смеются и издеваются. Почему на меня все орут и дразнят: я не уродка, не косая, не хромая, но каждый старается унижить, побольнее укусить. А я не боевая – никому не могу дать отпор. У меня позднее зажигание.

Когда на меня начинают кричать – у меня ступор, я становлюсь послушной овечкой, а потом я страдаю, переживаю, ненавижу себя. Начинаю прокручивать все в своем уме и думаю – почему я не ответила вот так, надо было сказать вот так. Надо было тоже заорать и вообще послать. Я начинаю злиться. У меня надолго портится настроение. Я не хочу ни с кем разговаривать, я замыкаюсь в себе, не сплю.

Я не хочу жить. Я хочу быстрее сдохнуть. Уйти из этой жизни. В этой жизни только неприятности, сплетни, все злые. Здесь живут только воры, убийцы, предатели, насмешники, лицемеры, гордецы. Меня даже не любят мои родные и близкие люди: мать, брат, только подсмеиваются надо мной. Все меня стараются только унижить, обвинить. Не так сказала, не так сделала, не так оделась, не так села, не так встала. Все мной командуют и хотят, чтобы я жила так как они

хотят, все учат и указывают как мне жить: что делать, что одевать, что есть, куда ходить, кого любить. А всего больнее, когда обижают люди которых любишь.

Я решила вести дневник и записывать все свои воспоминания с самого раннего детства – все, что помню, чтобы понять, что со мной не так, почему я такая получилась некоммуникабельная, нерешительная, нелюдимая, ранимая, психованная, чтобы понять, как я дошла до такой жизни. Чтобы не сойти с ума. У меня нет друзей, подруг, с которыми можно поделиться своими переживаниями, посоветоваться.

Я еще с детства знала, что дневник – самый лучший друг, он никогда не предаст, не осудит и не посмеется над тобой. Ему можно доверять самые сокровенные тайны. Я в детстве уже вела дневник, записывала туда свои переживания за прошедший день, но мой любезный брат, любопытный, прочитал его, осмеял и долго потом мне портил кровь.

С тех пор я больше ничего не записывала, но сейчас со мной никого рядом нет, никто его не прочитает и не посмеется. Посмотришь кино или в книжках читаешь – у кого-то в жизни были наставники, советчики, друзья по жизни, которые их любили, помогали, научали, советовали. У кого-то есть старший брат или сестра, у кого-то мать или отец, друг или подруга, которые и в горе, и в радости. Всегда помогут, подскажут, пожалеют, посочувствуют, защитят. Или это только в кино и в книжках, все такие хорошие: отцы и братья, сестры и друзья. А в жизни все не так, в жизни все на-

оборот, каждый сам за себя. Почему в жизни все так плохо? Это у всех так или только у меня?

Я себя, конечно, не оправдываю. Может я действительно такая плохая? Может в детстве меня мало пороли, били и наказывали? Может за некоторые поступки надо было вообще прибить?

– Дорогой мой друг дневник, мне очень стыдно, но я, как на исповеди, буду все писать. Прости меня, но мне это очень нужно, чтобы понять себя, чтобы не наложить на себя руки потому, что этого делать нельзя ни в коем случае. Потому-что если Бог позволил мне прийти сюда на эту землю, в эту жизнь, я должна пройти этот путь, все круги, пусть даже ада, не сойти с дистанции раньше положенного часа и не сойти с ума от своих обид. Я должна понять свои ошибки, разобраться в своей жизни. А кто, кроме меня, может сделать это лучше?

А что мне еще остается делать? Но только начинаю думать о своей жизни – мысли, воспоминания, как рой пчел, кружатся, перебивая друг друга. Все так быстро мелькает, не знаю, что писать и только обида начинает душить, стыд обжигает сердце, слезы и бессонная ночь обеспечены. А когда начинаю писать – получается так медленно и все из головы вылетает, остается только злость на себя и в тоже время жалость. Почему я не такая как все? Почему я такая дура? Слезы заливают бумагу. Все, не могу больше писать! От слез ничего не вижу. Все, пошла реветь.

День второй.

Давно не писала. И вообще не хочу больше уже ничего писать. И зачем только я повелась на этот дневник? Зачем мне это вообще нужно? Понимаю. Нужно просто взять себя в руки. Ну как можно такое писать? Если бы можно было писать то, о чем потом будешь гордиться: о своих успехах, победах в спорте, в музыке, о героическом подвиге. А как можно писать о плохом? О том, о чем даже вспоминать-то стыдно. Все! Не хочу! Не буду! Отвяжись от меня, мой дневник!

День третий.

А что делать, когда одна радость в жизни – телевизор. А там тоже счастливая жизнь, семья, дети, любовь. Но эта счастливая жизнь не твоя и ты ненавидишь уже весь мир, чужой притворный мир. Я не верю – все лгут, притворяются и обманывают друг друга. Остается только одна радость в жизни – работа. Работа, работа, работа. А если уже нет сил больше работать?

Все болит: и руки, и ноги, и плечи, и голова, и сердце, и душа. Когда уже как загнанная лошадь и только пьешь горстями таблетки с едой и запиваешь их слезами одиночества и отчаяния. И уже хочется туда в ладошку положить еще одну таблетку, спасительную, чтобы уснуть и больше никогда уже не просыпаться.

Хочется навсегда покинуть этот мир, где все счастливы, радуются и смеются, смеются над тобой. И они не понимают, почему ты такая злая как собака. И они тебя учат как надо

жить так, как они живут. Но это их жизнь. А если ты не можешь жить так как они живут? Не можешь перешагнуть эту грань, которая называется совесть, стыд.

Значит, чтобы стать счастливой, успешной, нужно стать лживой, бессовестной? Спать с тем, кого не любишь? Обманывать и притворяться, что ты счастлива? Чтобы стать как все, ради имиджа? Чтобы все смотрели на тебя и завидовали, а по ночам тоже выть в подушку, а в душе, как и все, искать свое счастье и как все, плодить разврат и хаос? Зато будешь знать, что ты теперь как все.

День четвертый.

Я из неблагополучной семьи, как сейчас говорят. Отец любил выпить, отец отца и все его родственники и мамины многочисленные родственники частенько отмечали свои дни рождения. Отец рабочий, вернее сказать – разнорабочий, а мама с деревни, крестьянка. Можно сказать, что мои предки союз серпа и молота. Когда все дети учились в школе, я частенько прогуливала уроки, в школе мне не нравилось. Мои любимые предметы ботаника и арифметика, а позже география и домоводство. Потому, что там можно было покушать еду, которую мы сами учились готовить. Ну еще мне нравился русский язык и литература. В остальные предметы я не верила или не понимала.

Например, меня все время возмущало, что человек произошел от обезьяны. Я всегда считала, что это чушь и гово-

рила: почему же тогда другие обезьяны не превратились в человека? Физику и математику я вообще не понимала. В историю я не верила и считала ее враньем. Не дано мне было понимать иностранные языки и музыку. Хотя эти предметы мне очень нравились, но не было у меня к ним таланта и слуха.

В школе мне было не интересно. Я всегда смотрела в окно или разглядывала учительницу и учеников. Я не могла сосредоточиться и долго сидеть на одном месте, да еще и в замкнутом пространстве. Дома уроки не учила. Но, что интересно, каким-то образом материал понемногу усваивала, второгодницей никогда не была. Родители только и говорили, что надо учиться. А как учиться? Меня никто не учил как надо. Что нужно быть внимательной, слушать каждое слово учителя – я только сейчас стала это понимать. Меня еще в школе все раздражали: глупые мальчишки, хулиганы и девчонки-воображалы. Меня все обижали еще в школе, дразнили: то Зинка-корзинка, то Зинка – от трусов резинка, то Зинка – нос картошка, выгляни в окошко. Дергали за волосы, ставили подножки, толкали и пинали. Я сильно обижалась и никого не хотела видеть. Мне нравилось быть одной, чтобы никого не видеть и не слышать. Шум, суету и крики я не люблю. Мне нравилось быть на природе: гулять в скверике возле школы, слушать пенье птиц, наблюдать за букашками. Зимой разбивать ногами лед на лужах, бродить по снегу. Думать и размышлять, мечтать и наблюдать.

Я еще с детства была лунатиком. Мама рассказывала, что я по ночам ходила по комнате с закрытыми глазами. Выходила на улицу, а когда меня звали, я не отзывалась. Так похожу, похожу по комнате или по улице и опять ложусь спать. Но я этого не помнила.

Мама взяла мне путевку в пионерский лагерь от работы. Лагерь был в горах: свежий воздух, сосны, ели, природа – мне очень нравилось. Я гуляла весь день по горам. Через неделю утром меня разбудили и начали ругать, почему я так плохо себя веду, почему я ночью пугаю детей. Я ничего не понимала, что вообще происходит, за что меня ругают, что я натворила. Пионервожатый меня наказал.

А наказание было такое. Нужно было стоять лицом к стене поднимая руки вверх и тереть носом стенку. Потом еще проверяли, чтобы нос был в известке. Довольно унижительно. Все над тобой смеются и дразнят. И вот утром они устроили мне товарищеский суд. Все дети говорили какая я плохая, ругали меня, а вожатый пристал:

–Зачем ты детей пугаешь по ночам? Почему не спишь, а ходишь по корпусу, тебя видели. А я ни сном, ни духом, ничего понять не могу, за что меня ругают, в чем я провинилась. Потом из разговоров я поняла, оказывается, я встала ночью, подошла к кровати одной девочки, стояла возле нее, она испугалась и описалась. Но я ничего не помню. Значит я еще с детства уже была не нормальная. Я еще с детства была противная, меня все обижали, ненавидели, все надо мной

смеялись. Меня никто не любил.

Потом меня посадили в автобус одну, и как преступника, повезли домой в город, в школу. Я всю дорогу плакала, мне так не хотелось оттуда уезжать. Когда приехала домой я поняла, почему меня увезли из лагеря. Оказывается, моя мама рубила дрова, топор сорвался и на левой руке она сильно содрала шкуру до кости. Она пошла в школу и со слезами просила, чтобы обратно привезли домой дочь помогать по хозяйству, готовить еду, стирать, работать в огороде.

Отец мой был любитель пить пиво и вино. Когда не пьет, у него золотые руки. Когда приходил домой пьяный, брал половник и прямо из кастрюли ел суп. Когда насытится, бил на отмашку по кастрюле кулаком от злости, весь суп был на полу. Потом по ночам он нас с братом воспитывал, проверял дневники, порол ремнем за двойки и ставил на колени. Мы должны были стоять, пока не попросим прощения:

—Папа простите, мы больше не будем, будем хорошо учиться и слушаться папу и маму.

Мы уходили спать, а он сидел за столом, сильно скрипел зубами, матерился, бил кулаком по столу. Потом у него опять появлялись отцовские чувства, он опять требовал дневники, порол ремнем, ставил на колени. Мама за нас заступалась:

—Я буду стоять на коленях за детей, только не трогай детей! Под утро, наплакавшись, злой и обиженный, он засыпал, положив голову на руки прямо на столе. Мама шла на работу, а мы в школу.

Когда не было дома отца и матери, меня доставал старший брат, бил меня кулаками и ногами. Он подходил ко мне сзади, держал руками мои плечи а коленками, то правой, то левой, бил меня по заднице по очереди. Прыгал на меня сзади сверху, висел, а когда я падала на пол, он катался на мне, держа меня за волосы:

–Но, давай лошадка, поехали!

Когда я шла, ставил мне подножки, пинал меня по заднице ногами. Прятался и выпрыгивал из-за угла, пугал меня, прыгал сверху, когда я пугалась и падала, он сильно смеялся, дразнил, обзывал. Вот так он развлекался, вот такой у меня был веселый брат. А когда я плакала от обиды, он подходил, гладил меня по голове, улыбался и ласково-ехидно спрашивал:

–Кто тебя обидел, сестренка?

Наверно на нервной почве, я сильно чесалась. Расчесывала в кровь руки, ноги, голову, тело – везде, где доставали мои руки. По всему телу у меня от расчесов были болячки, особенно на руках и ногах. Мама водила меня по врачам. Мне делали уколы, выписывали таблетки, мази. Делали переливание крови. Но ничего не помогало. Из-за этого меня не брали в садик, не пускали в баню, не записывали в кружки, меня сторонились взрослые и дети.

Мама взяла в поликлинике справку, что это не заразная болезнь и показывала ее в бане. Баня в поселке была одна. Я с утра занимала очередь в мужское и женское отделение сразу

и весь день ее караулила, а к вечеру мы заходили. Иногда отец брал номер в ванную комнату на час, это был просто праздник для меня. Сначала я плескалась в ванной, потом меня быстро мыли в тазике, пока я сидела в предбаннике мыли брата, потом отец с мамой домывались. Но это было, когда мы были еще маленькие.

Мама меня мазала всем, что посоветуют ей знакомые женщины: мазями, настоями трав. Одна добрая женщина, в кавычках, посоветовала намазать меня конским навозом. Это было просто ужас! Это все равно, что сыпать соль на рану. Я обливалась слезами, но терпела, а куда деваться? Отец придумал мне средство от чесотки. На ночь он надевал мне на руки рабочие рукавицы, завязывал их на запястье веревкой, а утром их снимал и проверял руки, ноги, тело и радовался:

– Вот видите, за ночь свежих расчесов нет. Самое лучшее лечение без мазей и уколов. Но один умный врач, профессор, сказал маме:

– Не мучайте девочку, у нее неправильный обмен веществ на нервной почве, когда она станет девушкой, нервная система укрепитя и у нее все прекратится само. И правда, когда я повзрослела, болячек не стало. Но когда я нервничаю, или травы попыю, лекарство, фрукты – тоже начинается сильный зуд.

А вообще я долго спокойно сидеть не могу, даже минуту, обязательно где-то чешу, но контролирую себя, чтобы до болячек не доходило. Особенно неприятно, когда ночью

спишь, а где-то начинает чесаться, а если подошва ног, это просто ужасно, там ведь щекотно. Иногда, когда сильно по-нервничаю, даже спать не могу, сяду и чешусь вся.

И так я еще с детства получила комплекс неполноценного ребенка. Да еще нищета. В детстве я всегда была голодная. Радовалась, когда раз в неделю в школьной столовой давали по стакану бесплатного молока. Все дети морщились, не допивали молоко, а я смотрела и думала, какие они счастливые, сытые. Это был для меня праздник.

Когда все дети убегали из класса домой, я открывала каждую парту по очереди, если посчастливится найти там кусочек хлеба, я с радостью ела его. Дорога домой проходила через заводской двор, там стояли деревянные зонтики, как грибочки, там рабочие шлифовали мрамор на улице. Когда я шла со школы их уже никого не было, я заглядывала под зонтики и иногда находила там завернутый в газету хлеб.

На перемене девочка из нашего класса Галя достала из портфеля огромную, аппетитную, глянцевую булочку, посыпанную сверху сахаром, так её аппетитно ела. Булочка была такая большая, красивая, а я была такая голодная, как всегда, что я насмелилась и попросила у нее:

–Галя, дай немного булочки покушать.

Я сидела за партой и смотрела на нее снизу, а она стояла рядом, она мне тогда казалась королевой.

–Попрошайка! Сказала она, капризно скривив губы. Мне было так стыдно, что я запомнила этот случай на всю жизнь

и как бы мне не было трудно или голодно в жизни, как бы я нуждалась в деньгах, я никогда ни у кого не занимала и не просила ничего.

Иногда я после школы ходила к маме на работу. Она работала мотористкой на бетономешалке. Она наливала мне чай и давала хлеб. А потом мы с ней после работы шли домой вместе. Когда я была с мамой – я была счастлива. Я ее очень любила. После школы, чтобы не встречаться с братом, я бросала портфель в сарае и схватив кусок хлеба из дома, весь день бегала по улице по подружкам, там кто-нибудь меня кормил.

А иногда я до самого вечера была голодной. Я терпела, только бы не встречаться с братом. Приходила домой тогда, когда дома была мама, отрезала горбушку хлеба, посыпала ее сахаром и ела, запивая водой. Когда приходила мама с работы, она топила печь, сразу было тепло и хорошо в доме, готовила еду, доставала с погреба большой алюминиевый таз с помидорами, огурцами, капустой.

Солонина была очень вкусная, сочная, аппетитная, все свое с огорода. Я, не дожидаясь, когда помидоры согреются, снимала с них тонкую шкурку и вместе со льдом ела их. Мама давала деньги, я вприпрыжку бежала в магазин за хлебом. По дороге из магазина я не могла удержаться и всегда обгрызала горбушку у горячего, ароматного хлеба. Дома меня сильно ругали, но я все равно всегда обкусывала края хрустящего, ароматного кирпичика, даже не замечая этого. Я и

сейчас очень люблю горбушки свежего хлеба.

Когда мама готовила борщ на печке, я ставила свою алюминиевую детскую кастрюльку на край плиты и смотрела, что мама бросает в большую кастрюлю и бросала в свою сначала картофель, капусту, потом заправку. Отец брал с плиты мою кастрюльку, кушал и нахваливал:

—Моя дочь, какой вкусный суп приготовила, моя доченька, хозяйюшка, умница! А у матери не вкусный, я даже пробовать не буду.

Когда в 5 классе преподавали домоводство, я начала готовить еду на всю семью. Отец спрашивал:

—Зина готовила? Ох, вкусно! Моя доченька приготовила! Отец любил меня. За это меня не любили брат и мама потому, что ненавидели отца. А моя мама любила больше моего брата, больше, чем меня, я это чувствовала, хотя она говорила, что любит обоих детей одинаково.

День пятый.

Я не нормальная. Я наверно больная женщина. Я злая, я всех ненавижу. Сдерживаю себя, когда сильно злюсь, чтобы кого ни будь не убить. Я на грани. Мне кажется, что если меня сильно разозлить, то я кого ни будь покусая от злости. Записываю в дневник все мои переживания, страхи и страдания, чтобы не попасть в психоневрологическую больницу, хотя мне уже все равно, но все же растением я не хочу заканчивать свою жизнь. Как-то после сильной депрессии и бессонницы я зашла в психушку. Думаю, может меня по-

лечат гипнозом от бессонницы. Пока стояла в очереди в регистратуру, ко мне подошел парень. Мы разговорились. Он сказал, что убил человека и теперь притворяется ненормальным, чтобы его не посадили в тюрьму. Он мне сказал:

—Вы еще молодая, бегите отсюда быстрее и подальше, не связывайтесь с этой организацией, пока они вас не сделали растением. Отсюда обратной дороги нет, не ломайте свою жизнь, ищите другие средства от своей бессонницы.

Мне скоро будет 30 лет, через каких-то пару лет. У меня нет ни мужа, ни детей, ни любовников. Да и подруг у меня уже никаких нет. Я разочаровалась во всем, даже в жизни. И зачем я живу, пребываю на этой земле, я даже не знаю, какая от меня польза. Да никакой. Выйду на улицу, люди как мураши бегают, суетятся, толкают в автобусах друг друга. Как собаки злые набрасываются друг на друга, кричат, дерутся.

А я одна среди всей этой муравьиной возни, смотрю на них с удивлением, наблюдаю за спектаклем, как зритель в театре. И никому до меня нет дела, я как невидимка во всей этой толпе. И мне ни до кого нет дела, смотрю на них и ненавижу всех сразу и каждого в отдельности. Все такие злые, каждый что-то кому-то доказывает, оскорбляет, хамит, унижает, люди забыли элементарное уважение друг к другу. Я никогда не вмешиваюсь, чтобы не опускаться до их уровня, мне и так-то без них хреново. Я представляю себя на месте обиженного и мне становится так стыдно, неприятно и жалко, я сильно переживаю. Нет, я не могу больше писать, сле-

зы застилают глаза, падают на бумагу. Все. Не могу писать. Лучше пойду сейчас на улицу и кого-нибудь покусаяю.

День шестой.

Гадина, сволочь! Продавщица в магазине настроение опять мне испортила, хоть вообще ни с кем не общайся. Тупица, дура, я ей говорю:

–Дайте мне колу не с холодильника, не холодную. Она говорит:

–Возьмите в холодильнике сами. Я ей говорю:

–Мне не с холодильника, не холодную. Она опять мне:

–Возьмите в холодильнике, она не холодная. Меня уже начало трясти. Говорю:

–Я же вам говорю, мне не с холодильника, мне нельзя холодную, у меня горло болит. Она мне опять.

–А я тебе говорю, там не холодная.

Гадина, сволочь, тупица! Как только я ее не покусала, сдержалась, а так хотелось. Так хотелось запустить в нее чем-нибудь в ее тупую башку, расцарапать своими когтями ее противную рожу, так она же гадина милицию вызовет. Приходится сдерживать себя в рамках приличия. Просто иногда зла не хватает. Когда я очень злая, мне очень нравится бить стеклянную или фарфоровую посуду, просто кайф какой-то. Правда потом очень жалко посуду, дорогое удовольствие, посуда то дорогая.

Была бы я богатая, била бы посуду каждый день. Но я при-

думала – старую или надколотую посуду складываю в кучку в укромное место. А потом, когда сильно разозлюсь, достаю ее и с большим удовольствием, со всего размаху, разбиваю ее о стенку. А металлическую еще лучше, она сразу не колется только гнется, но и удовольствия по меньше, нет того особенного звона, зато ее можно использовать для этих целей многократно.

Показывали по телевизору, в Японии раньше на производстве выделяли комнату, в ней стояли манекены начальников. Каждый из рабочих мог зайти, взять палку или руками, ногами бить сколько ему захочется обидевшего его начальника. Хорошо снимает стресс. Вот бы у нас такие продавались, купила бы себе парочку: мужчину и женщину. Хотя можно и одного. Обидела женщина, нарядила манекена женщиной, приклеила ей фотографию обидчицы, если есть, пинай ее сколько хочешь, можешь даже плевать ей в рожу, тебе ничего за это не будет. Нервы успокаивает и физкультура для похудения, полезно, такой тренажер – сразу два в одном.

День седьмой.

Поехала я утром в ЦУМ на трамвае. Людей много, давка, меня там чуть не поломали всю. Вдавили меня вплотную к оконному стеклу, а поручень в ребра уперся, стою терплю, а что делать? Трамвай остановился, вышли сразу человек 10 на остановке. Смотрю, а трамвай и не сильно полный был, оказывается, это они возле меня все скопились и давили.

А один парень мне прямо так в глаза смотрел. Вышла я из трамвая, смотрю, а у меня сумка порезана, хотя я ее крепко прижимала к груди, как это произошло – не могу понять. Вытащили кошелек, денег правда не много было, но главное – вытащили паспорт и пропуск. Я весь день переживала, плакала, как теперь без документов жить. Сколько справок теперь собирать, бегать по кабинетам, сколько времени тратить на восстановление. А вечером звонок в дверь, открываю, стоит парень и улыбается:

–Я нашел ваши документы. И подает мне их, я взяла.

–А где ты их нашел?

–В микрорайоне на остановке на земле лежали. Я бы хотел получить вознаграждение, я все же привез их вам. С первой Алма-Аты ехал, время потратил.

–Ах, тебе еще надо вознаграждение? У меня сегодня сумку в трамвае порезали, вытащили деньги и документы. Я сейчас вызову милицию и пусть они с тобой разбираются, где ты их нашел! Так он вниз по лестнице так побежал, аж пятки засверкали.

–Вот гад, сволочь, развелось паразитов на белом свете. Работать никто не хочет. Вознаграждение ему подавай! Наладили бизнес. И наверно дают люди, раз он пришел, значит надеялся, что ему заплатят, значит ему платили. А если люди не будут им платять, может они и документы воровать не будут, зачем?

Рассказала я этот случай своей соседке. Она говорит:

– Это еще что! Вот со мной что произошло на прошлой неделе. Поехала я на барахолку, долго копила деньги, хотела себе купить хорошую, дорогую шубу. Обошла всю барахолку, везде останавливалась, мерила, приценивалась.

Спустилась в переход, думаю – перекушу где не-будь, подумаю, какую из них брать или не брать. Дорого, но денег хватало. Иду, навстречу мне парень выхватил у меня из рук кошелек и побежал, да так быстро, разве я его догоню на своих каблуках? А в переходе никого не было, кричала, кричала, вылезла из перехода, кричала, а его и след уже давно простыл.

Ходила и редела, вот дура, почему сразу не взяла, пошла думать, теперь ни шубы, ни денег. Вечером скорую вызывали, чуть не сдохла, сердечный приступ был, еле откачали. Пока ходила по отделам с дорогими шубами, там меня видно и заметили, скажут: значит деньги у нее есть. Муж говорит: пасли тебя, видят – разиня одна ходит. Ой, как вспомню, с сердцем плохо становится, на одних лекарствах только и живу. Не знаю теперь, когда успокоюсь. Развелось гадов на земле, паразитов, как теперь жить на свете. Как их матушка земля носит, гадов.

День восьмой.

Долго не писала, почти месяц. У меня была депрессия. Я никого не хотела видеть, ни с кем не хотела общаться, даже писать больше ничего не хотела. Приходила с работы, ложи-

лась и лежала как овощ на грядке, перед телевизором. Голова пустая, тупая, погода плохая не летняя. Сегодня воскресенье, на улице дождь, ничего неохота делать. Великая не хочуха. Вообще я думаю, что во мне скрываются два человека, один злой, который все время хочет кого-нибудь убить, когда злится. Другой трусливый. Я всех боюсь. И вот тот, который всех боится, говорит тому, который хочет кого-нибудь убить:

–Если ты кого-нибудь убьешь, тебя посадят в тюрьму. А в тюрьму трусливый конечно же не хочет, он боится тюрьмы. А если он боится, значит он трус. Ой! Я уже ничего не понимаю, по-моему, там даже не два сидят, там их много. Там еще один сидит, который по ночам со мной разговаривает, спать не дает. Спать хочу, лягу, а он начинает свою беседу – внушает, воспитывает, все нудит и нудит. Я уже говорю, что все поняла с первого раза, хватит уже повторять, хватит болтать, достал уже, заткнись! Я лежу, лежу, смотрю – уже 2 часа ночи, кушать хочу, встаю, открываю холодильник:

–Нет, колбасу нельзя, могу растолстеть. Покушаю лучше печенье с водой. Лягу, лежу, лежу, опять не могу уснуть – он там меня все воспитывает. Воспоминания всякие в голову толкает и прокручивает все подробно в деталях, с переживаниями. Не могу уснуть, смотрю – уже 4 часа ночи. Опять кушать хочу.

Разозлюсь, отрежу колбасы с хлебом и чаем. Вот так я и порчу свою прекрасную фигуру, потихоньку набираю килограммы. Из-за этого я сильно злюсь, а когда я злюсь, я сильно

хочу кушать. Это просто какой-то замкнутый круг. А в последнее время я почти не сплю, уже через ночь или две. По-моему, там во мне еще и обжора сидит и не дает мне спать. Какой я все же многогранный человек! И как они там во мне все помещаются и уживаются между собой – не представляю.

А может, там только двое сидят: один плохой, другой хороший. Один хороший, назову его Ангел света, он советует и заставляет делать хорошие, полезные, добрые дела, успокаивает, поднимает настроение. Обращает мое внимание на природу, цветы, пенье птиц, радует меня. А другой, плохой, злобный, он там сидит и злится, когда мне хорошо, значит – ему плохо, он ведь злобный, он там так злится, что меня, ни с того ни с сего, начинает все раздражать.

Иногда просто трясет от злости, он заставляет делать плохое. А может они там еще и ссорятся, мне от этого становится так плохо, что я начинаю впадать в депрессию. Или нет? Хорошего, наверно, нельзя разозлить, он ведь хороший, он не должен злиться. Он, наверно, сидит и хохочет над плохим, когда ему плохо. А как бы сделать так, чтобы этот хороший взял бы и задавил там этого плохого так, чтобы он там даже не пикнул и не приставал ко мне, особенно по ночам со своими глупыми разговорами. Непонятно.

Хорошо у кого есть умные друзья или образованные родители. А у меня полный кошмар! Отец мой был пьяница, отец моего отца тоже был пьяница. И все их родственники

тоже пьющие. И с маминой стороны тоже самое, такие плохие у меня гены, что поделаешь? С чего мне быть умной и воспитанной. В наследство от родственников не досталось мне ни ума, ни денег. Одна начальница на работе хвасталась:

—У меня родители образованные, богатые и мне дали хорошее образование, я закончила институт. Потому я здесь начальник, а вы подчиненные. А другая ей говорит:

—Вот если бы у меня были твои родители, а у тебя мои. Я бы тоже получила высшее образование и была бы начальницей, а ты была бы у меня подчиненной. Так что не надо хвастаться. Твоей заслуги здесь нет, тебе просто повезло с родителями с самого детства.

День девятый.

Ой, так неохота писать и зачем я только повелась на этот дневник? Жила себе спокойно, завела себе молчаливого друга. Я такая великая лентяйка, ничего неохота делать. Я лучше на диване полежу спокойненько, телевизор посмотрю. Стоп! Но похоже это все же работает. Надо же, я меньше стала злиться, я стала спокойней.

В начале дневника одни крики, одни нервы, а теперь я даже стала лентяйкой. Спасибо тебе, дружок, за помощь! Это гораздо лучше, чем пить алкоголь или лекарства от депрессии. Потом последствия необратимые. Или делиться с кем ни будь своими переживаниями, проблемами, потом пойдут сплетни, осуждения. Ведь кто о тебе что-то узнает, если ты

об этом не расскажешь?

Все получают о нас информацию от нас же самих, мы сами им все о себе рассказываем, а потом удивляемся откуда идут сплетни. А если ты никому ничего о себе не рассказываешь, никто о тебе ничего не узнает. Язык наш – враг наш. А дневник? Он же никому ничего никогда не расскажет, он ведь наш молчаливый друг. С ним поделишься, сразу тебе становится лучше. Только есть одно и самое главное условие, надежно прятать своего друга от посторонних глаз. И тогда все будет хорошо.

Ой, я сейчас вспомнила такой безобразный случай из моего детства. Но ты же, мой дружок, никому не расскажешь, тебе можно все доверять. Как я дружила с соседским мальчиком Сережей, вернее не дружила, а так в куклы играли. Он был не как мальчик по характеру и по поведению, скорее – девочка. С мальчиками он никогда не водился, только с девочками. Он жил в другой половине нашего дома. Мама пожалела свою троюродную сестру с тремя детьми: Толик, Валя и Сережа, который был самый младший.

Мама пустила их в наш дом, в большую комнату. Дверь заложили саманом, а с другой стороны проделали дверь, вот так они там все и жили. Другие дети были немного старше. Мама устроила ее к себе на работу, на бетонку. Потом она написала заявление на работе, что она живет на квартире и платит деньги. И ей дали квартиру хорошую, большую, как матери-одиночке.

А пока они у нас жили, мы с Сережей в куклы играли, которые, правда, сами себе и делали. Набивали тряпки опилками, рисовали лицо. Волосы делали из старых капроновых чулок наших мам. Как-то сидели мы с ним в саду, сколько нам лет было – не помню, но в школу уже ходили, наверно, во второй или третий класс. И как я до этого додумалась, даже не представляю, короче – говорю ему:

–А давай играть в семью. Ты папа, я мама, а это наши дочки. Так, поужинали и все пошли спать. А мы с тобой муж с женой, а ночью муж с женой писю в писю засовывают, что бы дети были. И это так приятно, что они охают. Вот дура-то была! Он говорит:

–Давай! Я муж, а ты жена. А как засовывать? Сели мы друг к другу лицом, ноги раздвинули в стороны и давай засовывать. Ну, сунули и сидим, сидим, ждем, когда приятно будет. Так и сидели. Но ничего не происходило, ничего приятного не было. Потом начали в сказку играть. Я говорю:

–Давай я буду спящая красавица, заколдованная кощеем, а ты должен меня расколдовать поцелуем. Я легла на скамейку, он подошел и поцеловал меня в щечку.

–Да не так! Что ты в щечку, надо в губы, сильно, чтоб расколдовать. Начала показывать ему как надо. Интересно, откуда это я тогда знала, как надо, сама не знаю. Может по телевизору видела. Отец с мамой отправляли нас с братом спать, а сами ночью фильмы для взрослых смотрели. А мы с братом шторку приподнимем, ляжем на пол и смотрим.

Сергея начал меня целовать в губы, сильно, как я ему показала. И так мы с ним на расколдовывались, что у меня губы все распухли, их никуда не спрячешь. А брат мой старший все видел и вечером маме рассказал, как мы играли, предатель. Когда я легла спать, она откинула одеяло и так меня отшлепала по голой заднице, что потом еще и задница распухла, горела огнем. Это хорошо, что он другое не видел.

Встретились мы с Сережей через много лет. Он работал в ресторане официантом. Он стал таким высоким, стройным и красивым парнем. Но остался такой же кокеткой. Жена ему накручивала волосы на плойку, делала укладку волос, красила ресницы, делала маникюр. Как-то он мне сказал:

—Как вспомню, как мы с тобой дурачились в детстве, что творили, так смех разбирает, неужели все это было с нами? А мне было очень стыдно вспоминать об этом, особенно слышать об этом от него.

Отец. Когда мы были маленькие, он был очень хороший, не пил. Он построил наш дом сам на болоте, под горкой. Вот додумался, как будто места получше не нашел. На окраине поселка тогда все строились кто и где хотел. Горка была из чистой глины. Он ее подкапывал, мешал в яме с соломой глину, закладывал в формы, сушил их и получались саманы как кирпичи на постройку. Из этих самых кирпичей он и построил наш дом.

В яму засыпают глину, соломой рубленную, воду, потом ногами ходят и перемешивают. Я помню, как еще в школу

не ходила, тоже мешала глину своими маленькими ножками. Он сам построил весь дом, даже рамы, косяки и двери сам выстругивал. Он был невысокого роста, потому и дом у нас был небольшой, спальня, кухня и зал. Потолки невысокие, косяки еще ниже и потому, кто приходил к нам в дом чуть выше отца, ударялись головой о косяк, если не склоняли голову, потом долго матерились.

Мы подрастали, вода постепенно с болота уходила. Отец вырыл колодец, у нас в доме была всегда вкусная, чистая, ключевая водица. После замеса саманов образовалась глубокая яма, отец ее почистил и у нас перед домом был большой, чистый пруд. К нам прибегали местные ребяташки со всей округи, мы там летом купались и загорали.

Рядом он построил плотину, чтобы был выход к дороге. А в плотине проложил огромную трубу, которая наполняла пруд водой. Был прекрасный огород и сад. Мама выращивала огурцы, помидоры, капусту и все солила на зиму в больших дубовых бочках, все хранилось в погребе. Под горкой образовался подкоп, где отец брал глину, теперь это был зимний погреб. У нас всю зиму были полезные и вкусные продукты.

Сверху горки на солнышке выращивали картошку. Внизу был фруктовый сад. Было все. Вишня, черешня, яблони, сливы, дерево ранета. Что интересно, я наблюдала за этим странным деревом ранета в детстве, когда на западной стороне уже завязывались яблочки на ветках, то на восточной стороне он только еще цвел. Такое вот странное явление при-

роды.

Мама нам варила варенье из всего. Заливала его в большие ведра и баки. Возьмешь ложку с кухни, выйдешь на веранду, присядешь на корточки и прямо с ведра ешь варенье. Как-то пропали все ложки из кухни. Куда делись? А они все лежат там на веранде, рядом с вареньем.

В болоте росли камыши, квакали по вечерам лягушки. Зимой, когда вода в болоте вся замерзала, мы играли в камышах. Болото простиралось на большой территории вдоль домов, за день его и не обойдешь. Петька мой ровесник, Алла его сестра, на год младше меня и Сергей, обычно мы собирались рядом с нашим домом. А я была заводила, всегда что-нибудь придумывала:

—А давайте построим здесь тайный штаб, будем здесь всегда собираться. Осенью построили небольшой шалаш из камышей.

—А давайте каждый из дома будет приносить еду, если вдруг кто-то устанет, может прийти тут отдохнуть, покушать. Это я, конечно, себя имела в виду, бедная, вечно голодная девчонка. Они все начали тащить еду из дома: кто сгущенку, кто конфеты, печенья, пряники. Но одной кушать мне совесть не позволяла, кушали все вместе.

Потом Петька стал оказывать мне знаки внимания, улыбаться. Лет по 11 нам было. Смотрит, потом краснеет, глаза отводит, когда я на него посмотрю. То цветочек какой подарит. А как-то подарил мне сердечко, сам сплел из латунной

проволами. Мы с ним оба покраснели от смущения. Как-то я нечаянно услышала разговор Петьки с братом:

–Твоя сестра мне очень нравится, я хочу ее поцеловать, но сильно ее боюсь. Она такая боевая, просто пацан. А как с ней в первую брачную ночь спать? К ней полезешь – она же драться будет. В детстве на улице я была драчунья. Кто меня из мальчиков обижал или дразнил, я догоняла и била их портфелем. А еще мне нравилось: возьму мальчика за одну руку и за одну ногу, раскручу и брошу, конечно не на землю, в опилки.

У нас возле дома сваливали с машин опилки. Мы из них выбирали палки на дрова в печку. В опилках рыли ямы, норы, играли в прятки с соседскими ребятами, кто приходил с соседних домов. Было шумно и весело. Я взяла и сразу рассказала Сережке, что люблю Петьку. А Сережка взял и разболтал всем, и Петьке тоже. Было так стыдно, хоть на улицу не выходи. И я придумала сказку и рассказала брату, надеясь, что он всем расскажет, что я хожу в секцию боевого искусства, а туда набирают только проверенных парней.

–Вот я и хотела проверить Сережку, а он оказался болтун. А брат говорит:

–А ты проверь меня, расскажи мне что-нибудь по секрету, я никому не расскажу. А что его проверять – он весь на виду, все маме про меня рассказывает, да, еще и приврет. С ним и так все ясно. С ним в разведку не пойдешь, сразу предаст, ябеда.

На 23 февраля, я подарила Петьке открытку, смотрю идет.
–Здорово.

–Здравствуй Петя.

Сказала я культурно, ласковым голосом. Так он мне на 8 марта чулки капроновые, черные со стрелкой подарил, такие модные. Хоть стой, хоть падай. Мне так стыдно было, я чуть-чуть не расплакалась. А вообще, хороший мальчик был, жалко, что я его сильно стеснялась и боялась. Видимо и он тоже.

Я поняла, почему мы не выходим замуж и не женимся на любимых – мы просто трусливые. Выбираем, что попроще, а потом всю жизнь жалеем, кусаем локти или страдаем от нелюбимых и храним в памяти счастливые моменты свои несбывшиеся мечты. Почему так?

Шли годы, мы выросли, потом Петька начал встречаться и дружить с красавицей Кирой. У нее были длинные, до пояса, русые волосы, длинные ресницы, красивая одежда и фигура. Куда мне до нее. А меня он все же продолжал любить тайно. Когда в компании собиралась молодежь, он с ней целовался, а смотрел на меня. Почему?

Дорога проходила мимо его дома. Иду, а там из динамика на всю улицу начала звучать песня Антонова:

–Для меня нет тебя прекрасней,

Но ловлю я твой взор напрасно.

Как виденье неуловимо,

Каждый день ты проходишь мимо.

Ну, что это еще может означать? Понятно. Сейчас я пони-

маю, что это было не что иное, как объяснение в любви. Но тогда я уже знала, что он не свободный, у них любовь, да и мне он больше ничего не предлагал. Кира проводила Петра в армию, клялась ему в вечной любви, плакала, а когда он через год пришел на побывку домой, она уже была с большим животом, бежала за ним и кричала:

—Петя я тебя люблю! Как это вообще понимать мужчинам, если даже я, женщина, не могу понять ее поступок? Тогда с его вечеринки я ушла домой пораньше, а он за мной пошел, проводил меня, а возле дома начал целовать меня так страстно, завалил меня в камышах, прямо в нашем штабе.

Но я не такая была, чтобы меня можно было, кому не лень, в камышах. Случайные связи мне не нужны. Мне всегда хотелось романтики, чтобы была свадьба, была семья. Я всегда боялась забеременеть без мужа. Потом как жить? Одной с ребенком на руках, осуждение, сплетни. Потом я его встретила много лет спустя, он был уже женатый, ребенок. Он объяснился мне в любви, предложил встречаться. Но я с женатыми не встречаюсь принципиально, мне или все, или ничего. Мне разборки с их женами не нужны.

День десятый.

Вернее, не день, а ночь. Потому, что я днем не пишу, мне или лень, или некогда. Пишу только по ночам, когда не могу уснуть. Когда воспоминания не дают мне спать и заполняют все мое сознание и роятся как пчелы в улье. Потому, что по

ночам, как я уже говорила, один придурок не дает мне спать, который отвечает за мои воспоминания и обиды. И тогда я встаю и начинаю писать и плакаться. Может он меня жалеет. Но если он меня жалеет, дал бы лучше забыть все и дал бы мне лучше поспать. А то:

–Вот, ты вспомни, как тебя в детстве обижали. Я начинаю все вспоминать, начинаю себя жалеть и плакать. Обычно у людей о детстве только самые хорошие воспоминания. Еще его называют беззаботным детством. А у меня? Ничего хорошего вспомнить не могу, только плохое. Мама все время ругалась с отцом:

–Только свою глотку все заливаешь. Хоть бы детям раз в жизни конфеты купил. И он купил, один раз в жизни карамель в фантиках. Пришел домой с кульком конфет. Конфеты держит в левой руке, а правой берет из кулька конфеты и наотмашь бросает их на пол. Они разлетаются по всей комнате под стол, под кровати, под шкаф, куда Бог пошлет. Такой сеятель... Так все конфеты по комнате раскидал и говорит:

–Собирайте, сволочи конфеты, отец вам конфеты купил! Если хоть одна останется на полу, увижу где-нибудь, буду за каждую пороть! Ешьте, отец вам купил!

Осенью поехали всей семьей за город, на свежий воздух, в горы, в сады. Там, после сбора общего урожая, можно было собирать яблоки падалицу, если сторож не увидит. Которые не сильно гнилые – набрали, привезли домой. Наш заботливый отец дома взял нож, очистил все яблоки от гнилья и ак-

куратно в доме сложил под кровать. Мы с братом, пока они свежие были, кушали. Но они уже на следующий день начали пропадать и гнить, их уже в руки нельзя было взять, не то что кушать. Через 3 дня слышим крики отца из дома:

– Это свиньи, твари, скоты, а не дети! Я вам как людям почистил яблоки, а вы свиньи неблагодарные, не могли пожрать их, сгноили все! Твари неблагодарные, скоты! Мы с братом разбежались кто куда, хорошо, что еще не холодно было в саду, чтобы отец нас не выпорол.

– Вовка, Зина, где вы твари есть, сейчас носом вас буду тыкать в гнилые яблоки, вы у меня их все сожрете, свиньи неблагодарные!

Отец пошел в магазин, бывало и такое. Но я не помню, чтобы он покупал продукты. Так, пиво или вино себе, которое выпивал по дороге. Продукты всегда покупала мама. Когда у нее получка или аванс, она старалась побольше набрать. Шла она с большими кульками: макароны, крупы, конфеты, печенья. Столько, сколько в руках она может унести. Это был для нас праздник. Она никогда от нас ничего не прятала. Она выкладывала все на стол и говорила:

– Ешьте сколько хотите, хотите – за раз, хотите – растягивайте, сколько хотите – столько и ешьте. Она старалась побольше потратить денег на продукты потому, что отец все время просил у нее денег на пиво. А если он принесет деньги и отдаст, потом просит у нее, просит, она разозлится и все ему их выкидывает.

—На, подавись своими деньгами, только глотку свою заливаешь. Когда я маленькая была, брат бегал в магазин за продуктами, когда подросла, я бегала.

—Зина, вот тебе рубль, купи капусту, мясо, картошку, томат. Раньше на рубль можно было купить продукты и сварить на всю семью кастрюлю супа. Когда мама послала меня за сахаром 78 копеек. А я такая хитрая была еще с детства, отдам продавцу 70 копеек. Она мне насыплет сахар, а на 8 копеек я себе еще и конфет куплю. Думаю, мама же не будет взвешивать, а там не заметно — 1 килограмм или меньше.

И вот пошел мой отец в магазин за вином, пиво он пил в пивнушке. А я за ним увязалась и начала просить:

—Папа купи вафли, папа купи вафли шоколадные. Я шоколадные люблю. Он сильно злился на меня, но все же купил, но не шоколадные, а молочные. А они такие приторно сладкие, я такие не люблю. Грамм 200 взял и заставил их все за раз съесть по дороге. Я немного съела, 2 штуки.

—Папа, купи лимонад, я пить хочу.

—Ешь вафли, чтобы ты их все сейчас при мне съела, я тебя на всю жизнь отучу есть эти вафли. Ешь все, чтобы я видел.

—Они мне уже не лезут, я пить хочу! А он мне их в рот сует.

—Ешь, я сказал, ты у меня на всю жизнь эти вафли запомнишь! Помню, потом мне было так плохо, тошнило, а лимонад он мне так и не купил, пришлось пить воду с колонки.

После этого я действительно долго не могла даже смотреть на эти вафли, а когда видела, вспоминала этот случай с отцом.

Часть вторая

Нечаянная встреча

Приятельница с прошлой работы Таня пригласила Зину на смотрины своего ребенка. Зина нашла дома новые полотенчики, купила игрушки и пошла в гости. Было шумно и весело, был накрыт большой стол, было пиво, шампанское и водка. Зина пила только пиво, она не хотела быть пьяной.

—Почему-то я пьяная, хотя пила только пиво?

—А это пиво девятка, это крепкое пиво, с него быстро пьянеешь. Сказал муж Тани. Зина немного посидела и поспешила домой. До дома она шла пешком. Была хорошая, весенняя погода, светило теплое, ласковое солнышко. Голова слегка кружилась, все казалось нереальным, сказочным: и люди, и дома, и деревья, но домой идти совсем не хотелось.

—Что дома? Ничего хорошего – пустая квартира с кошками и котятками. Зина присела на скамейку в скверике. Рядом проходили люди, молодые влюбленные пары, держались за руки, вокруг бегали, играли и смеялись детишки. Проходили мамы с колясками, вокруг были чужие люди, чужие судьбы, вокруг была жизнь, чужая жизнь. Только Зина сидела одна, грустная, одинокая, на пустой решетчатой скамейке.

Она недавно вышла из семейного счастья. Где была любовь, семья, прекрасное человеческое дитя. В ее ушах еще

звучала музыка, смех и громкий разговор взрослых и плач ребенка. И вокруг нее на улице было много счастья, веселья, любви. И лишь она сидела одна, бесхозная, никем не занятая, никем не любимая, никому не нужная. Мысленно она разговаривала с собой, размышляла о несправедливости судьбы по отношению к ней и тихо себя жалела, молча глядя в одну точку, глотая слезы, тихо сходила с ума. В солидарность с ней начала портиться погода, солнце скрылось, начал моросить мелкий дождик. А она думала:

—Если бы можно было взять и превратиться в дождик, разрушиться на миллиарды мелких капелек и пролиться в землю, на асфальт, на деревья, на прохожих. В миллиарды маленьких капелек-слезинок и исчезнуть, впитаться в землю, чтобы хоть какая-то польза была от моей жизни, от моей смерти.

А потом на солнце засветиться радугой и мелкими капельками бриллиантов на деревьях и цветах, и исчезнуть, высохнуть, переливаясь в лучах солнца. Ей от этого становилось еще больше себя жалко. Она поставила локти на колени, закрыла ладошками лицо и тихо вздыхала, медленно покачиваясь из стороны в сторону от душевной боли и горького одиночества. В ее сердце уже не было ни злости, ни ненависти, ни радости. Она покорно приготовилась встречать свою одинокую, безрадостную старость.

—А кому я уже нужна? Мне скоро уже будет 30 лет. Я уже почти старушка, переспелая невеста, как говорили мне зна-

комые. Куча навоза, как меня называл мой брат. Если меня даже мои родственники не любят, кто меня тогда может еще полюбить? От этих мыслей ей стало еще больнее, тоскливее и горче. И от этого у нее еще сильнее покатались слезы из глаз.

–Все. Это уже тупик, ни мужа, ни детей, ни друзей, ни работы. Может быть мне повезет, я промокну, простыну и умру. На этом все ее мысли закончились, она погрузилась в небытие, в ожидании приговора судьбы.

Она не сразу услышала и не поняла рядом с собой тихий, нежный, ласковый, как ручеек, голос. Она открыла глаза не поднимая головы. Рядом с ней на скамейке сидел мужчина. Она увидела его черные туфли, черные брюки, подняла голову. На нем была черная рубашка, надетая поверх черной футболки. У него были черные, не коротко остриженные, волосы, добрая и искренняя улыбка.

Он ничего не спрашивал, только тихо говорил глядя в ее влажные от слез глаза. Он говорил так тихо, что она начала прислушиваться, начала слушать его с большим вниманием. Он говорил о Боге и называл ее сестрой. Было так приятно его участие, даже дождик перестал моросить. Он был симпатичный, высокий, худощавый. Она внимательно смотрела в его глубокие, черные глаза и ничего уже не понимала. Она только поняла, что Бог ее любит. Он взял ее тихонько под руку, она как загипнотизированная встала и пошла с ним рядом, слушая как песню его тихий, нежный голос.

Проснулась она утром от боли внизу живота, хотелось в туалет, от пенья птиц. В окна светило яркое, ласковое солнце. Она лежала в просторной комнате, на разложенном диване, в своей одежде, под легким пледом. Прошла по комнатам, кухня была чуть поменьше комнаты, где она спала. Две другие еще меньше кухни. В доме никого не было, было уютно и прохладно, приятно пахло свежим испеченным хлебом. Она вышла на улицу, сразу в саду увидела маленький домик, сходила по нужде. Начала обходить сад. В углу она увидела знакомого мужчину, он лопатой копал огород. Увидев ее, он поставил лопату, подошел к ней и тихим, ласковым голосом сказал:

—С добрым утром. Потом они обошли весь сад, он показывал, где у него, что растет: малина, смородина, крыжовник. Была ранняя весна. Природа только начинала лениво просыпаться от зимнего сна. Но все же кое-где начали появляться зеленые блестящие листочки и упрямые ранние росточки. На завтрак был свежее испеченный, ароматный хлеб с его мини пекарни и рисовая каша с тушенкой. Зина, ошалевшая от такой резкой перемены в своей жизни, ходила как во сне и думала, что скоро проснется, а ей так не хотелось. Потому она просто решила наслаждаться жизнью и не о чем не думать. Было воскресенье, было чудесно и восхитительно. А вечером он читал ей Библию и рассказывал о Боге.

Понедельник. Рабочий день. Он работал электриком. Когда пошел на работу, поцеловал ее в щечку и назвал ее хо-

зляшкой. Это было все. Волна счастья пробежала по ее телу, и она поняла, что пропала, утонула, растворилась в своей любви к нему. Она была так счастлива, что хотелось петь, плясать и прыгать от радости как в нежной юности.

Она вспомнила, когда ей еще не было 15 лет, она была влюблена в соседского парня, ровесника Игорька. Она не знала, как обратить его внимание на себя. Он дружил с ее братом. Иногда заходил к ним, они с братом куда-то уходили, а ей становилось грустно. Брат провел телефонный провод от себя к нему, он жил по соседству, купил 2 аппарата. Зина пришла из школы, видит Игорь идет к себе домой, тоже со школы, она почувствовала, что он сейчас позвонит. Села у телефона, ждет звонок, сердечко застучало от волнения, когда зазвонил телефон.

—А брата нет дома. Сказала она, заикаясь, дрожащим от волнения голосом.

—Ну давай поговорим с тобой. И так, когда брата не было дома, они иногда разговаривали по телефону. Как-то, уже летом, Игорь зашел, а брата не было дома, он попросил воды, было очень жарко. Зина набрала воду в бокал, а с руки обрызгала его водой, начала с ним заигрывать. Он удивленно посмотрел на нее.

—А сегодня день Ивана-Купалы. Это она сама только что придумала. Он попил немного воды и плеснул на нее оставшуюся воду. Зина выбежала на улицу, набрала с крана воды в другой бокал, плеснула на него. И так они начали обливать

друг друга водой. Они так смеялись, бегали из комнаты в комнату друг за другом, набирали на улице воду и обливали друг друга.

Зина видела его счастливые, лучезарные, озорные глаза, обрамленные густыми черными ресницами, до чего они были красивые, слушала его завораживающий смех. Теперь она разглядела его так близко, его прекрасную спортивную фигуру, его гибкий, подвижный стан. О, как он был хорош! Что можно было утонуть и пропасть в его бездонных, искрометных глазах.

И вдруг он остановился, стал серьезным, глаза начали разглядывать ее пристально, ее упругую грудь и ореолу вокруг торчащих сосков. Она посмотрела на себя, ее легкое ситцевое платье прилипло к ногам, оно промокло. Он смотрел, не отрываясь, на нее своими огромными, прекрасными глазами, полными желанием и любви. На ее грудь, лифчик она еще не носила, а груди уже начали наливаться и были довольно большие. Она увидела, что платье так промокло, что она начала вся просвечиваться. Мама ее воспитывала в строгости. Она так засмушалась, забежала домой, он так раззадорился и забежал за ней с бокалом.

—Мне надо переодеться, выйди. Сказала она так тихо, краснея от стыда.

—Ну, почему? Давай еще поиграем. Он так смотрел на нее, как влюбленный Ромео, а она, прикрывая одной рукой грудь, другой трусики, сгорала от стыда, закусывая губы и чуть не

плача от страха. А он стоял, не уходил и смотрел на нее. Он был такой серьезный, полный желанием и любви.

—Уходи! Он нежно улыбнулся ей и двинулся к ней всем телом.

—Уходи. Закричала она, морщась от нахлынувших слез.

—Дикарка. Ухмыльнулся он, поставил бокал на стол, глядя на нее обиженными глазами и ушел.

Когда она переделалась в сухое платье, она села на кровать, закрыла лицо руками.

—О Боже! Как он смотрел на меня, он полюбил меня. Она соскочила с кровати, она начала кружиться по комнате в вальсе, потом начала танцевать как балерина и пела.

—Я танцевать хочу, я танцевать хочу.

До самого утра. Как будто два крыла

Природа мне дала, пришла моя пора.

Когда Зина видела по телевизору балет, она повторяла движение балерин. Она просила маму, чтобы она отвела ее в балетный кружок. Она мечтала стать балериной. Мама говорила:

—Ну какая с тебя балерина, кто тебя возьмет с твоими болячками. Тут вон в баню с тобой не пускают, балерина. Стрекоза вертлявая. Зина была очень подвижная, все время кружилась, прыгала и исполняла движения танцев балерины. О, как она была тогда счастлива, как она была молода, хороша и наивна.

Так незаметно пролетела неделя как один день. Зина каж-

дую ночь спала в своей проходной комнате на разложенном диване. Он в другой комнате, угловой, в маленькой спальне. Он был приветлив, ласков, нежно улыбался. А она все больше восхищалась им. Она никогда еще в своей жизни не встречала таких тактичных и порядочных мужчин. Она считала, что все мужчины грубые, наглые, лицемерные, только пьют, дерутся и матерятся.

Сегодня суббота. Он затопил баню и предложил ей пойти вместе с ним.

–Как? Вдвоем? Удивленно посмотрела Зина на Володю.

–Да. А что в этом предосудительного. Но самое странное для Зины было то, что он разделся догола и шмыгнул в парилку. Она была в шоке. Она сильно стеснялась, закуталась в большое полотенце и сидела в предбаннике. Он вышел с парной и как ни в чем не бывало, присел у печки и начал подкидывать дрова. Она совсем ошалела. С одной стороны, ей так хотелось все там рассмотреть, как вы думаете, первый раз увидеть живого, голого, взрослого мужчину. Хотя она видела молодых мужчин на пляже, но они тогда были все в плавках.

Когда Зина была маленькой, училась в младших классах. В бане она дотянулась до крючка и открыла дверь в мужское отделение. Она открыла рот от удивления. Смотрела и не понимала, что это были за люди. Они были похожи на обычных людей, но у них почему-то не было груди, как она привыкла видеть женщин в бане. Да еще впереди, внизу живота, между

ног, висело какое-то мясо. Мама увидела эту картину, оттянула ее от двери и сильно отшлепала ее по заднице. Тогда она забыла этот случай, а сейчас почему-то вспомнила. А сейчас она сидела на скамейке в предбаннике, выпучив глаза, прикрыв разинутый рот ладошкой, как можно больше прикрывая полотенцем свое оголенное тело. Ей было так стыдно и страшно. За себя и за него.

—Почему он так себя ведет? Как будто я вовсе и не женщина, не человек. Непонятно было. Или он меня не воспринимает как женщину, или просто дразнит или проверяет? Она терялась в догадках.

—Что сидим? Иди в парилку.

Она лежала на верхней полке в парилке, обалдевшая до глубины души и боялась выходить. Ей все время казалось, что он сейчас зайдет, набросится на нее, или будет приставать, когда она лежала одна на диване. А тут оба голые, было страшно. Но ничего не происходило. Он вел себя так же спокойно, непринужденно и приветливо. Она все больше обалдевала, она сильно стеснялась и сидела все время завернутой в полотенце. Когда он выходил из парной, она, опустив голову из-под лба, смотрела на него, ей так хотелось там все рассмотреть. Когда он в очередной раз вышел из парной, она увидела, что внизу живота, очень низко, прилепился листочек от веника. Она захихикала:

—Ой! А у тебя там листочек приклеился. Володя посмотрел на свой живот.

–Ты, что туда смотришь? Сказал он, недовольно глядя на Зину. Когда она зашла в парилку, она чуть не плакала, ей было так стыдно. Он открыл дверь в парилку и зашел.

–Давай-ка я тебя попарю веничком. После этого она немного успокоилась, шок постепенно начинал проходить. Он увлеченно рассказывал о пользе бани. Они пили чай на травах с малиной и медом.

После бани она долго не могла уснуть, все думала, что после бани он придет к ней, залезет под одеяло.

–Интересно, как это будет? Как это вообще бывает? Он там у него такой большой, куда это все влезет? Наверно будет очень больно. При малейшем скрипе кровати в его комнате она вся тряслась от страха. Ждала, что вот сейчас это все случится. Она уже млела от желания и представляла его жаркие, нежные поцелуи и его сильные руки, которые будут ее страстно обнимать.

Но ничего так и не происходило. Страсти у нее к нему не было, только удивление и вопросы, вопросы, вопросы, на которые она никак не могла себе ответить. Было такое чувство, что она попала на другую планету или в другое измерение провалилась, настолько все было неправдоподобно и неестественно, все сильно отличалось от ее прежней жизни. С одной стороны, было такое уважение и доверие к нему, восторг, а иногда обида и непонимание.

–Как это так? Я что, пустое место для него? Ведь так в жизни не бывает, чтобы мужчина вообще никак не реаги-

вал на женщину. Он молодой, здоровый, красивый мужчина, тогда в чем же дело?

В понедельник он сообщил, что у него ночное дежурство на работе.

—Я боюсь оставаться одна в пустом доме, я поеду домой. Сказала Зина.

—Ну, я надеюсь, что ты вернешься? Володя дал ей ключи от своего дома.

—Я буду ждать тебя с нетерпением. Он ей мило улыбнулся и поцеловал в щечку.

И только в автобусе, по дороге домой, она пришла в себя от его чар.

—Нужно взять хлеб и молоко кошкам. И тут ее как током ударило.

—О Боже! У меня же там осталась кошка Лада, ее дочь Бог-Ира и котята. Когда уходила, я налила им большую тарелку молока с хлебом, но это было неделю назад. Боже, что там с ними? Я точно не нормальная. Да ничего с ними не произошло, все хорошо. Ничего с ними не случилось. Все нормально. Котята сосали титьки Лады, а большие кошки, что-нибудь, да найдут. Успокаивала себя Зина. Она думала, когда откроет дверь своей квартиры к ней на встречу подбегут Лада, Бог-Ира и куча подросших котят.

Открывает дверь. На встречу ей из другой комнаты прыжками выскочила Бог-Ира. А Лада лежала на диване и смотрела на нее грустными глазами.

—О Боже! Воскликнула она от удивления. В зале по паласу были разбросаны мертвые котята, а у одного котенка туловища не было, только голова, из которой лохмотьями висело мясо. Стало понятно, что его туловище было съедено. И судя по поведению Бог-Иры, это съела она.

Зина накрошила две тарелки хлеба, залила молоком, поднесла к тарелке обессиленную Ладу. Она немного попила молоко, обиженно посмотрела на свою хозяйку, потом попила еще и стала медленно языком слизывать молоко с усов. Зина открыла входную дверь, Бог-Ира пулей выскочила на улицу. Зина со слезами собрала котят в целлофановый пакет и выкинула в мусорные баки. Было страшно ночевать в этой ужасной квартире, она поехала к Володе домой. Неизвестно почему, ноги под брюками сильно начали чесаться, она подумала, что на нервной почве. Когда пришел Володя с работы домой, она его спросила, можно ли ей привести свою кошечку к нему домой.

—А то она там одна в квартире голодная будет жить.

—Ты хозяйюшка, хочешь привози, пусть бегаёт здесь на природе.

Когда Зина приехала на квартиру, у нее опять начали сильно чесаться ноги под брюками. Когда она приподняла низ брюк, то увидела мелкие красные точки, она поняла, что это блохи от умерших котят. Купила дезинфекцию от блох, закрутила как кокон Ладу в полотенце, чтобы кошка не оцарапала, оставила одну голову открытой, положила ее

под куртку. Свое лицо завязала полотенцем, оставила одни глаза, быстро залила все паласы в квартире, выскочила.

Приехала в дом Володи, обрызгала полотенце дезинфекцией, замотала Ладу, прижала ее к своей груди. Она закрыла глаза от удовольствия, что любимая хозяйка рядом. Приготовила теплую воду с шампунем в тазике, начала купать кошку. Она так перепугалась, вырывалась, кусалась, рычала, исцарапала Зине все руки в кровь, она никогда не любила купаться.

Зина замотала ее в сухое полотенце, прижала испуганную кошку к груди, потом завернула во второе полотенце, в третье. Наконец ее уже можно было отпускать на солнышко сушиться. Она долго облизывала себя и умывалась, наконец, когда ее шубка совсем обсохла, она прилегла на травку на солнышке и мирно дремала. Иногда она поднимала голову и посматривала на Зину, где она, убедившись, что хозяйка рядом с ней в огороде, она снова дремала, свернувшись в калач.

Володя не задавал Зине вопросов о ее прошлой жизни, о работе, ничего не рассказывал о себе. Он приходил с работы в 6 часов, кушал, выходил в сад, любовался огородом, ее работой и садился за компьютер. Ложился он рано в 8-9 часов, вставал в 6 часов утра, делал гимнастику, завтракал и поцеловав Зину в щечку, с нежной и загадочной улыбкой уходил на работу. Зина утром выходила в сад, огород, она была здесь королевой.

Купила рассаду помидор, цветов, семена, сеяла и сажала,

ходила в магазин, готовила ужин. Она была очень счастлива, ходила как дурочка с глупой улыбкой, копалась в земле с любовью и с трепетом, ожидала вечера и прихода Володи с работы. Она была счастлива, что кому-то нужна, тем более такому красивому, интеллигентному мужчине.

Меж тем весна продолжала буйствовать. Расцветали огромные кусты сирени, яблони, вишни, сливы, все преобразалось каждый день. За две недели все позеленело, зацвело, преобразилось. Полет бабочек, пенье птиц, душа пела и взлетала выше облаков. Только в их отношениях ничего не происходило. Они были похожи на пенсионную семейную пару, как будто они уже давно жили вместе и привыкли друг к другу. Она начала переживать, может что-то в ней не так. Может она немного полновата, может он любит стройных. Или наоборот, может она худощава, может он любит полных. Вкусы то у всех людей разные.

—Что он обо мне думает? Что он думает о будущем со мной? Она начала вспоминать случаи из своей жизни, как относились, как вели себя с ней другие мужчины.

Славик. Ходили в кино, провожал до дома, целовались до 12 часов в саду под окнами, страсть, любовь. Потом поехали кататься с ним на мотоцикле. Увез ее в горы, гуляли по горам, целовались, потом вечером начал приставать. Начал страстно целовать, обнимать, повалил ее на траву, начал раздевать, еле его успокоила. Говорила:

—Как можно в этой грязи, на мурашах, на земле, среди

елок и шишек, камней и песка. Это должно быть все романтично, после свадьбы, при свечах, в теплой, чистой постели, после ванны, везде цветы, по любви и согласию. Он отвез ее домой и больше никогда не приходил. Значит у него не было к ней серьезных намерений, так поиграться, думала она.

Познакомилась на вечеринке с парнем. Он был высокий, симпатичный, очень полный, очень добрый и очень веселый. Каждый день ей что-нибудь дарил, то цветочек, то брелочек. Носил ее на руках, как ребенка. Звал ее к себе домой, хотел познакомить с его родителями, хотел жениться. Но он ей совсем не нравился. Да. Она считала, что они со стороны очень смешно смотрятся. Этакий громила и дюймовка. Конечно, с ним было хорошо, не страшно, но она думала:

–Попробуй такого большого прокорми и как с ним любовью заниматься, он же задавит. И потом как без любви выходить замуж, без любви она не может. Даже если он очень богатый, ей же не с богатством жить, а с человеком. Продавать свое тело, чувства, за деньги, притворяться? Это же надолго меня не хватит. Понятно. А душа? Нет, без любви я не могу. И она ему отказала.

Ехала она как-то в автобусе, стоит на задней площадке у окна высокий, стройный, красивый, модно одетый парень. Поворачивается, посмотрел на нее с высокомерной улыбкой, оценивающе, подошел. А она уже все, готовая, влюбилась в него с первого взгляда. Он такой весь из себя, из тысячи сразу увидишь. Назначил свидание на завтрашний вечер, у ки-

нотеатра. Она пришла, прождала его целый час, но он так и не пришел. Наверно на утро, когда протрезвел, уже и забыл ее.

Познакомилась с парнем на остановке. Он ей сразу понравился. А если ей парень не нравится с самого начала, она с ними даже и не разговаривает. А он симпатичный, стройный, пригласил ее сразу в кафе, посидеть. Шампанское, шоколад, шашлык. Все было просто замечательно и хорошо. Шампанское ударило им в головы, он подсел к ней поближе, начал ее обнимать, целовать. Потом он с такой страстью накинулся на нее, что готов был прямо здесь в кафе, прямо на столике. Она испугалась. Потом с ним куда-то идти, оставаться с ним один на один. Она еле вырвалась и просто убежала прямо из кафе.

—Ну почему? Что не так? Кого она встречала, ее все хотели, только успевала убежать от них. А тут? Никто не мешает, все по-домашнему, по-семейному, все располагает, да и мы уже не мальчик с девочкой. Может он тоже чего-то боится? Я же о нем ничего не знаю. Может у него в прошлом были неудачные любовные истории. У мужчин такая ранимая психика. Даже намек на какие-то отношения насчет близости не происходит. А что происходит? Я сама уже ничего не понимаю. В бане я искоса поглядывала на него, у него он такой приятный, беленький и довольно приличных размеров. Она опять думала и боялась, что наверно очень больно будет. Но мои знакомые девчонки, вернее уже не девчонки, гово-

рили, что это очень приятно, они все с ума поэтому сходят. Я вспомнила, в училище даже одна сказала, ей было 16 лет. Она была очень полная:

–Дуры вы все, что этого еще не попробовали, вы даже не знаете от чего вы отказываетесь. Если бы я раньше знала, что это так сладко, я бы еще раньше вышла замуж.

–Интересно, а куда еще раньше? Подумать только, мне уже скоро, через пару лет, будет 30, а я рассуждаю об этом как несовершеннолетняя девица. Интересно, а как меня можно считать, я девица, если еще мужчину не пробовала или я женщина, если я как бы уже испытывала что-то приятное? Или может с мужчиной будет совсем не так, а иначе? Вообще почему в моей жизни все не так как у людей, все не так как у всех? У многих моих бывших подружек дети уже школу заканчивают, а я все еще до сих пор рассуждаю об этом и теряюсь в догадках. Скажи кому-нибудь, что я еще с мужчиной не была, никто не поверит. Хотя я слышала раньше про старых дев, но не понимала, как это? Сама виновата. Или нет? Ну почему у всех все так просто, запросто? Почему я не такая как все? Ненормальная, не могу как все. На работе Светка говорит:

–Очень нравится один мужчина, но он женат. А женщины ей отвечают:

–Возьми, да отбей его.

–Как это отбей? Это же все равно, что что-то чужое у кого-то украсть. А это ведь семейное счастье, как его можно

украсть? Сделать детей и жену несчастной. Отец нас учил, что чужое брать нельзя. А это ведь не вещь, это счастье. Однако, она решила насмелиться и немного прояснить ситуацию:

—А вдруг он не привык сам к женщинам приставать, может ему не удобно, он застенчивый, может он привык, что женщины сами к нему приставали, может он ждет от меня инициативу, а я тут не рыба и не мясо. И вообще – сколько можно так жить, как дура в неведении. Или да или нет. А если он скажет:

—Да ты сидела там такая бедная, несчастная, одинокая на скамеечке, под дождем, я тебя просто пожалел, приютил, а ты тут еще и права качаешь? Не нравится, вали отсюда на все четыре стороны, чтобы духу твоего здесь не было. Тебя здесь никто не держит. Слезы опять покатались по ее щекам.

—А как я буду без него жить? Ну и ладно, хорошо ведь и так. Чем одной, как я жила до него. Счастье оно ведь такое хрупкое, его можно разрушить невзначай. Она уже и не знала, что делать. Решила пока оставить все как есть, не торопить события. Он ведь тоже с мозгами, думает наверно обо мне тоже.

Наверно у него на меня тоже какие-то планы есть. Сказал ведь когда я уходила на квартиру: – Я надеюсь, что ты вернешься, я буду ждать тебя с нетерпением. Ключи дал мне от своего дома, значит я ему нужна, я ему нравлюсь. А он мне тоже нужен. А может он проверяет меня? Все на него сразу

бросались, он вон какой хорошенький, а ему нужна верная, не гулящая подруга жизни. А может он копит деньги на свадьбу, потом возьмет и сделает мне предложение, может он сюрприз готовит, а я возьму и все испорчу. Во всяком случае, мне здесь хорошо с ним. Это моя тихая, счастливая гавань. Мне здесь просто хорошо, просто с ним хорошо, он самый лучший.

Когда я любила Игорька, моя подруга Оля говорила, что я его сильно идеализирую. Но с Володей это все не так, это не тот случай, он правда идеальный мужчина, я таких еще не встречала в своей жизни. Таких милых, добрых, даже не мужчин, а просто людей. Все такие злобные, хитрые, лицемерные, жадные, высокомерные, эгоистичные. А с ним так хорошо, так спокойно и надежно. Он не указывает как мне жить, не командует и сам не жалуется на свою жизнь, он просто живет со мной, улыбается и радуется моим успехам и мне.

А ведь когда я пришла, он жил здесь один, значит у него были на это причины. Может до меня он тоже был очень одинок, может его уже достали эти приставучие женщины, которые все только требуют и все им мало. Ладно, время все расставит по своим мостам. А почему у меня с ним должно быть так как у всех? А пусть у нас с ним будет совсем иначе, а не так как у всех. А как только у нас. Ведь ожидание праздника всегда намного интересней самого праздника. И в этом есть своя романтика.

Все было, как и прежде, тихо и спокойно. Он уходил рано спать в свою спальню, а она еще долго копалась в огороде. Ей так нравилось все. Если бы ночью было светло, она бы и ночью копалась в огороде. Она стала замечать, что сорняк маскируется под культурное растение: там, где растет морковь – всегда больше полыни. Где астра – подорожника, где укроп – пырей. Как бы сорняк вылезает рядом с похожей культурой, что б его не заметно было и его не вырвали.

Зеленые кузнечики прячутся под зеленую травку. Так и люди наверно тоже маскируются под порядочных людей, тоже ведь природа, человек. На природе она стала много размышлять, вспоминать, мозги то свободные, только руки и спина заняты. Начала вспоминать свое детство, отца, где он? Давно потерялся. Жив ли? Брат. Такой же противный, как и в детстве был. Пришла к ним с подарками, какой бы он не был, все же брат родной. А он мне:

–Ну что ты сестренка надрываешься, столько всего таскаешь, тяжело ведь, не молоденькая все же уже. И хихикает, вот язва. А пирожки с чем? Из котят сделала? Без подколок не может жить, обязательно поиздеваться надо. Хочет остроумным себя показать. Придурок. Детей все воспитывает и нудит, нудит. Как они его только все терпят? Я и то долго его терпеть не могу, я и то долго не могу находиться в его присутствии. Мама. Как она там? Нужно как-нибудь съездить повидать ее. Правда, очень далеко, много времени уходит на дорогу.

Уже темно, но она еще долго сидит на диване в саду, так хорошо, тихо, воздух свежий. Она привыкла ложиться поздно, после 12 часов. Даже еще потом долго не может уснуть, думает. Как заскрипит кровать в спальне Володи, она прислушивается.

—А вдруг он сейчас возьмет и придет ко мне. Подойдет, обнимет, поцелует и у нас все начнется. Сердечко ее начинает трепетать, она вся млеет от этих мыслей. Интересно, как это у нас будет? Как это вообще бывает? У нее внизу живота появляется желание от таких мыслей. И ей становится страшно. А вдруг он какой-нибудь не такой. Вон показывают по телевизору, маньяк, убийца, дома, на работе тихий, спокойный, приветливый. На доске почета висит. Пойдет кого-нибудь убьет, изнасилует и опять тихий, спокойный. От таких мыслей ей становится еще страшней и хочется бежать отсюда быстрее домой.

Вообще то я точно не нормальная. Разве нормальная женщина будет жить одна с незнакомым мужчиной. О Боже! Ведь я о нем ничего не знаю. Кто он? Что он? И никто не знает где я. От таких страшных мыслей, она чуть не сошла с ума. Какая дура! Бежать, бежать надо отсюда и чем быстрее, тем лучше! Жду как дура, что он придет. А он придет, накинёт удавку, он же мужчина, он сильный и все, а потом фарш сделает. Вот на работе женщины рассказывали, как мужчина приводил себе женщин домой, сожительствовал, а потом из них фарш крутил. Боже! Я сейчас с ума сойду от страха.

Нет. У меня все будет хорошо. Меня Бог хранит. Меня Ангел Хранитель хранит. Ну, а если что? Значит у меня, у дуры, судьба такая. Нужно думать только о хорошем. И тогда все в жизни будет хорошо. Она вышла на улицу. Ходила долго-долго по саду. Пока не успокоилась.

—Я уже месяц здесь живу, если что, уже бы давно что-то случилось нехорошее. Кстати, он со мной живет, находится точно в таком же положении. Он же меня не знает тоже, совсем не знает, а вдруг я больная, истеричка, маньячка, женщин таких тоже сколько угодно. Вдруг на меня что-то найдёт, отравлю или убью. Сколько таких случаев, когда женщины убивают своих сожителей. Смелый мужчина. Оба ненормальные. Однако он находится в лучшем положении, у него сила, а я слабая, беспомощная женщина.

Сад уже отцветает, всю землю покрыли белые лепесточки, как снежинки зимой. Кое где завязались яблочки, вишенки. А как было красиво, когда все цвело, особенно ночью, стояли белые в ночи деревья. Было так здорово. Зина не могла уснуть от пряного аромата по всему саду и красоты.

— Наверно все мужчины за сони, а может он уже привык, а я сплю мало, но мне хватает.

Как-то вечером они сидели в саду на диване, а она даже и не думала, взяла и ляпнула:

—Я тебе нравлюсь?

—Конечно нравишься. Как ты можешь мне не нравиться? Такая умница и красавица.

–Тогда почему...? Он поцеловал ее в губы, не дал договорить, улыбнулся и зашел в дом. Она не знала – радоваться или плакать. Но почему-то ей было очень стыдно.

–Я чуть не испортила все своим языком. Как черт дернул, зачем я это сказала? Я же не собиралась ничего подобного говорить. Я чуть-чуть не унизила себя перед ним. Что теперь он обо мне подумает? Ей хотелось плакать. Ей хотелось выть.

–Как будто я сама хотела себя предложить ему, да еще в таком тоне. Как будто он мне что-то обязан. Это все весна. Это все гормоны. И зачем они мне нужны. Какой он все-таки тактичный человек, вовремя остановил меня поцелуем. Сразу все быстро сообразил куда я клонила, и чтобы не накалять обстановку, какой молодец. Нет. Он все же настоящий мужчина.

Скоро август. 4 месяца Зина уже живет у Володи. Он так радуется ее достижениям в огороде.

–Все цветет и растет, ты превратила в сказку наш сад.

–Не я одна, ты мне тоже иногда помогал. Иногда, раз в месяц в воскресенье, он уходил с утра, приходил после обеда. А Зина снова стала думать и переживать. Кто она такая с ним жить? Почему она тут живет? Почему он ничего не говорит, что будет дальше, что вообще происходит? Эта неизвестность мучила, просто убивала ее.

–Все равно, нужно с ним поговорить. Ведь годы мои идут. Мне нужно выходить замуж, родить ребенка, ведь я не молодею, а старею. Как сказать ему, просто не знаю. Что я тут

как дура сажу? Кто я для тебя? Какие у нас отношения? Мы муж с женой или брат с сестрой? Как ты ко мне относишься? Какие у тебя планы на будущее? Но она не знала, как ему это все сказать. Как поговорить с ним. Как узнать, что вообще происходит? Эта неизвестность выводила ее из себя, пугала и бесила. Но больше всего она боялась разговора с ним на эту тему. Наконец-то она решилась:

–Все! Достало. Романтика кончилась. Или пусть говорит все, что он обо мне думает или я поехала домой. Дома хоть все определено. Она придумала. Написала ему записку, пока его не было дома, положила ее на компьютер. Придет, прочитает, как-то же надо начать разговор.

–Наши встречи и улыбки.

А что за ними, дай ответ.

Быть может наше счастье зыбко.

Растает, как весенний снег.

Она накрыла ему столик как обычно, всегда рядом с рабочим столом. Он пришел как всегда, улыбаясь, поцеловал ее в щечку и зашел в дом. Она присела на диванчик и с волнением в сердце начала ждать, что будет. Через несколько минут он вышел с запиской в руке. Смотрел на нее серьезно и пронзительно.

–Ты немного поторопилась. Как гром среди ясного неба

прозвучали его слова. Ей было ужасно стыдно и не понятно, что означают его слова: -поторопилась.

—Куда еще больше ждать? 4 месяца жду. Я же не в первый день это сказала и не через неделю. Хотя, наверно, надо было сразу расставить все точки над и. Тогда бы сейчас я не находилась в таком дурацком положении. Ну, конечно, я тогда, как дурная была, под впечатлением его чар. Зато теперь как дура, в непонятном положении. В любом случае получается, что я полная дура всегда. Она сидела в недоумении, опять какая-то пустота образовалась в отношениях с ним, в ее жизни, в ее судьбе. Ей хотелось просто встать и убежать домой. Это была для нее как пощечина по ее самолюбию. Она закрыла лицо руками и плакала.

Вот уже и август. В огороде все спеет, на столе салаты из огурцов и помидор, зелени. Но Зину уже ничего не радует, она уже так не веселится как весной. Она сидела дома, на краю дивана. Локти положила на колени, наклонилась вперед, закрыла лицо руками и думала, почему же она все-таки такая несчастная. Почему всем все, а у нее опять ничего не понятно. Негромко работал телевизор. Она не заметила, как он подошел, сел рядом.

—О чем задумалась моя красавица? Она выпрямилась и сидела смотрела в одну точку перед собой.

—Эй. Что случилось? Сказал он ласково и своим плечом толкал ее в плечо.

—Что с тобой? Она встала сбоку от него, обняла его за

шею, потянула в сторону и со смехом сказала:

–Пошли в спальню. Он тихо, почти шепотом произнес:

–Отпусти. Больно. Она разжала руки и села рядом на диван. Он повалился на пол как подкошенный сноп. И лежал там без движения.

–Вставай. Ты что? Ты что, упал? Он так и лежал на полу.

–Тебе что, плохо? Она встала на колени и склонилась над ним.

–Что с тобой? Она начала поднимать его за руку. Рука как тряпка упала на пол.

–Тебе плохо? Он безжизненно лежал на полу.

–Нет! Володя! Ты что? Она схватила его за рубашку на груди и начала трясти.

–Володя. Володя. Нет! Она испугалась и начала кричать во все горло.

–Володя! Нет! Господи. Помогите! Она с неистовой силой трясла его за плечи, его голова билась об пол.

–Володенька. Володенька. Миленький. Нет! Вставай! Пожалуйста. Господи! Слезы падали на его лицо.

–Нет! Нет! Господи! Заорала она, что было мочи и упала на его грудь. Обняла его лицо руками. Целовала его в щеки, в губы и орала во все горло, и трясла его.

–Володенька! Володенька! Что ты? Заорала она еще громче нараспев. Она села на пятки. Закрыла лицо руками и шепотом произнесла.

–Господи. Нет.

—А что это со мной? Шепотом, еле слышно произнес Володя.

—Почему я на полу лежу? Он сел на пол.

—А что это со мной было? И почему так сильно болит шея и плечи?

—Это я тебя била об пол. Плакала Зина.

—Я что, потерял сознание?

—Ты умер. Зина упала на его грудь, обняла руками и закатилась в рыдании.

—Но почему? Она помогла ему встать. Он сел на диван.

—Я ничего не помню. Зина, заикаясь, со слезами начала рассказ.

—Ты упал на пол и лежал там, без признаков жизни, я тебя сильно трясла, чтобы ты пришел в себя.

—Почему я упал?

—Я тебя обняла за голову и потянула к себе.

—Ты что? Это же смертельный прием! Так сворачивают шею насмерть. Я занимался борьбой, я знаю. Значит ты мне свернула шею, а потом, когда трясла, позвонки встали на место. И я пришел в себя. Зина сидела и плакала навзрыд, она никак не могла отойти от шока.

—Я к тебе больше не прикаснусь. Я уже боюсь тебя пальцем трогать. Володенька. Как я испугалась. Боже. Как хрупка человеческая жизнь. Она закрыла лицо руками и плакала.

—Значит я бы уже был покойник, а ты бы завтра уже сидела в тюрьме?

–Вот дела! Я в тюрьму? За что в тюрьму?

–Как за что? Свернула мужику шею и спрашивает за что?

–А мне какой смысл тебя убивать?

–Не важно. Убийство есть убийство. Даже непреднамеренное. По неосторожности тоже статья такая есть. Зина еще больше залилась слезами. Они смеялись, вспоминая как все было, радовались, что все обошлось, а Зина все плакала, никак не могла успокоиться. У Володи потом долго болела шея, а Зина, вспоминая, снова плакала. После этого случая он ей стал еще больше дорог.

Скоро осень. Середина августа. На деревьях краснеют яблоки, в огороде огурцы, помидоры, некуда девать. Зина уже успела заготовить компоты, соленья и варенье. Зина и Володя уже сходили в баньку и сидели на диване, отдыхали. Суббота. Солнце клонилось к закату. Очень сильно начали стучать в ворота. Они подошли.

–О! Братан! Володька! Пацан. Сколько же мы с тобой не виделись? А я говорю, поехали. Я давно братана Володьку не видел. Мужчины обнимались. В стороне стояла женщина невысокого роста, очень полная, с короткой стрижкой. Ее волосы были окрашены в белый цвет и как у ежика, торчали во все стороны. Она была в черном, прозрачном костюме. Они были выпивши, еще и с собой прихватили. Зина накрыла стол под навесом возле бани, салат, картошка. Пока мужчины были в бане, женщина высокомерно, оценивающе, ехидно смотрела на Зину после того как нагулялась по саду.

Все сели за стол. Гости были веселые. Саша громко и весело рассказывал смешные истории и анекдоты. Зина пить отказалась.

–Я водку не пью.

–А что пьет девушка?

–Иногда только пиво.

–Я сейчас сгоняю за пивом. Володька, пошли.

–Нет. Нет, вот есть компот и сок. Володя тоже пить отказался.

–Ты же знаешь, что я не пью.

–Да, я знаю. Но может сделаешь исключение, ради меня. Зине было так приятно, что он тоже отказался пить. После отца пьяницы она боялась, что ей попадетсЯ пьющий муж. Она всегда избегала пьющих и выпивших мужчин. Наташа много пила, не отставала от своего друга, она громко хохотала, а потом, так как она сидела с краю дивана, наклонилась и уснула. Зина зашла домой, включила телевизор. Где-то через час зашел Володя. Послал ей воздушный поцелуй, помахал ручкой и ушел в спальню.

На улице было тихо. Зина вышла посмотреть. Женщина так и спала, положив голову на подлокотник. Мужчина, обняв свою подружку, сидел рядом и тоже спал. Было 11 часов вечера. Зина подумала, что надо убрать со стола, хлеб может засохнуть за ночь, кошки будут лазить по столу, помыть посуду. Подошла к столу, начала потихоньку убирать и заносить все домой. Когда она проходила мимо спящих с посу-

дой, Саша своими длинными ручищами схватил ее за задницу и повалил на себя. Посуда упала, загремела и разбилась, женщина проснулась.

–Ах ты шалава подзаборная! Посыпались трехэтажные маты.

–Ты что к моему мужу пристаешь? Она побежала в дом, разбудила Володю и сказала ему, что пока она спала:

–Твоя шалава с моим мужем трахнулась! Саша сидел и хохотал.

–Ну и шалаву ты себе нашел! Продолжала кричать Наташа. У Зины от обиды полились слезы. Володя со сна ничего не мог понять. Он только строго смотрел на Зину и на эту пьяную компанию. Зина ушла в сад. Только слышала, как Наташа громко разговаривала с Володей.

–Где ты подобрал эту чумазую мартышку? У нее же ни кожи, ни рожи. Она же тварь на моего мужа полезла! Гони ее на х... отсюда! У тебя же всегда были такие женщины красавицы, где ты подобрал эту блохастую. Зина подошла с сидящим.

–Володя, может ты посадишь их на такси? Он встал и подошел к Зине.

–Неудобно. Наташа плюнула в их сторону. Попыталась встать, но упала на бетон, начала подниматься, но снова упала, так и лежала.

–Ну куда их таких на такси? Кто их в такси возьмет?

–Я боюсь спать одна на диване, вдруг он зайдет и опять

полезет. Он обнял ее за плечи.

– Не бойся, ты же со мной. Он повел ее в свою спальню.

– Ложись, не бойся. Она легла, он прилег рядом, обнял ее.

– Спи, боязливая моя.

Зина утром вышла в сад, никого уже не было. На столе стояла чистая посуда. Володя протирал тарелки. Он внимательно и серьезно посмотрел на Зину, потом улыбнулся и подмигнул ей. Она пошла и села на диван, где они обычно сидели вдвоем. Он подошел, сел рядом.

– Ну, что ты насупилась?

– Да так. Просто неприятно все это.

– Не бери в голову. Их здесь больше не будет.

– Ты уверен?

Воскресенье. Настроения ни у кого не было. Володя весь день просидел за компьютером. А Зина весь день провела в огороде.

Наступил сентябрь. С его стороны как будто ничего не изменилось. Он так же был приветлив, с легкой улыбкой или делал вид, что ничего не происходит. А на Зину как будто что-то обрушилось, такое тяжелое и мутное, или даже грязное. Она уже не была так счастлива, как прежде. Обида, как ком в горле, тяжелым камнем легла на сердце. Ее уже ничего не радовало. Да еще и погода испортилась, весь день дождик моросит, в огороде не повоозишься, он ее как-то успокаивал. Она взяла Ладку на руки, зашла в дом, щелкала по каналам, искала что-то интересное по телевизору. Пришел Во-

лодя, подошел к ней.

–Я тебя прошу, не приноси кошку в дом. У меня аллергия на собачью и кошачью шерсть. Он улыбнулся и сел за компьютер.

Она чувствовала, что ее счастье разбивается на кусочки. Ей так захотелось уехать домой. Она вспомнила, что где-то читала, что между мужчиной и женщиной, как бы они не любили друг друга, не может быть просто дружбы без секса. Их жизнь превращается в ад. Без секса союз мужчины и женщины невозможен, это приводит к разлуке, истерикам, скандалам и в итоге безумные трагедии. Мужчину и женщину может связывать только секс.

А его глупая улыбка ей уже виделась как насмешка над ней, она раздражала ее. Она только сидела и думала. Для чего она здесь? Почему? Зачем? Как она оказалась в такой глупой ситуации? Что ее здесь держит? Почему она до сих пор не может уехать от него? Что с ней происходит? Она чувствовала себя подопытным кроликом, как будто ее изучают. До чего может дойти молодая женщина без секса? Рядом с любимым и желанным мужчиной. На сколько велико ее терпение? И сколько понадобится времени на то чтобы она сошла с ума.

–Почему я не могу послать все к чертям собачьим? За что я цепляюсь? У меня есть квартира с удобствами, с ванной. Только там нет в ней его. А я уже не могу без него жить. Он мне нужен, как воздух. Я не могу дождаться, когда он придет

с работы. Мне нужно его видеть. Каждый день и каждый час. Но для чего? А что будет дальше? Как я буду жить без него, если уйду? А как я буду жить с ним, если останусь? Я уже ненавижу себя за беспомощность и его, за его власть надо мной.

Во что я превратилась в этом огороде? Ни маникюра, ни прически, ни макияжа, ни любви, ни секса, ни свободы. Я опять зашла в тупик. Если бы я с кем-нибудь посоветовалась, я знаю, что мне ответят: – Беги без оглядки от него, он больной, он ненормальный. Почему я так боюсь одиночества? У одиночества хотя бы есть надежда, что кого-то можешь встретишь, изменишь жизнь. А здесь в огороде? Кого я могу встретить? Кузнечика? Мурашей? Слизней?

Я сама уже превратилась в эту мерзкую, бесформенную слизь. Она смотрела на него, а он смотрел в свой компьютер, а ее не замечал, только улыбался. А она натягивала на свое лицо улыбку, чтобы его не обидеть. И чувствовала себя полной дурой, убогой, мрачной, убившей в себе все чувства дурой. Она поняла, что счастье опять проходит мимо нее, но она опять не могла понять, почему?

Алла

Зина давно разыскивала адрес своей подруги детства Аллы. Хотела ее поздравить еще с 25 летнем возрастом. Уже прошло 3 года. Она младше ее на год. Уже прошло 3 года. Хотела узнать, как сложилась ее судьба. Последний раз она

ее видела лет 7-8 назад. У нее были 2 малыша – сына. Она рано вышла замуж и уже в 19 родила первого. Потом они продали дом и уехали к ее родителям и связь с ней прекратилась.

И тут через знакомых Зина получила ее телефон. Она сильно волновалась. Столько лет прошло. Как, о чем говорить с ней? Алла холодно с Зиной поговорила, может занята была, обещала перезвонить. Зина уже не надеялась, что она ей позвонит, но оставила ей свой телефон. Но Алла перезвонила. Потом Зина ей позвонила. Так постепенно, начали завязываться их отношения.

Алла была родная сестра Петра, первой детской любви Зины, может отсюда и ее волнение? Зина узнала из разговора, что Петр с мамой и семьей уехал в Россию. Жена ему родила двух сыновей. Потом он стал сильно пить, ушел из семьи, а его мать жила со снохой и внуками. Мать начала слепнуть, ей нужна была операция на глаза. Но сноха жалела деньги, хотя пенсия у нее была хорошая.

Когда она ослепла, сноха сдала ее в дом престарелых. Там она вскоре и умерла от сердечного приступа. Зина была просто в шоке. Было очень жалко тетю Инну. У Зины не укладывалось в голове жестокосердие детей по отношению к матери. Она считала эту семью успешной. Зина никогда не видела их отца, говорили, что он сидит в тюрьме. Тетя Инна также, как и мама Зины, поднимала двоих детей без мужа. Но она крутилась. Завела себе любовника таксиста, он ей хорошо

помогал. Когда Алла вышла замуж, мать ей купила небольшой домик. Не то, что Зина – нищета.

–А с Петром как ты?

–Я с ним давно не общаюсь. Не хочу с ним разговаривать. Я звоню знакомой 2-3 раза в год, справляюсь, как он там.

–Почему ты с братом сама не поговоришь? Это ведь твой родной брат. Вы же с ним из одного животика.

–Не хочу я с ним разговаривать. Я на него обиделась. Да пошел он!

–Кстати. Скоро у него день рождения, есть повод позвонить, пообщаться. Поздравь его с днем рождения, ему будет приятно.

–Не хочу и не буду.

–Людей надо прощать, все мы не без греха, тогда и Бог нас будет прощать. Тем более своих родных и близких. Кстати. Я сейчас вспомнила притчу о женщине. Хочешь расскажу? Я ее еще в детстве услышала. Отец, когда еще с нами жил, много умных вещей рассказывал. Еще у нас дома была книга, называлась в мире мудрых мыслей.

Короче, что-то у них там на острове случилось и им всем нужно было перебираться на большую землю. А в лодке места было мало. У женщины было три любимых мужчины: муж, брат и сын. И ее поставили перед выбором: Ты можешь взять с собой только одного мужчину. Она подумала и сказала: Мужа я себе еще найду, сына я себе еще рожу, а вот брата у меня уже больше не будет. И она взяла с собой брата.

–Да пошел он! Не хочу я ему звонить и разговаривать я с ним не хочу.

–Ты ведь женщина, сестра его родная, вы родные люди. Нужно забыть все обиды и позвонить, как бы ни было, нужно прощать. Тем более родного человека.

–Нет! Не хочу и не буду. Ты не знаешь какой он был. Такое не прощают.

Алла начала часто звонить, уговаривала встретится с ней на нейтральной территории, где-нибудь в кафе.

–Посидим, выпьем по бокалу вина.

–Я не пью вино.

–Ну водочки выпьем.

–И водочку я не пью. Так иногда пиво, когда жарко.

–Кофе попьешь.

–И кофе я не пью. У меня давление.

–Ну так посидим, поговорим. Посмотрим друг на друга.

–А почему на нейтральной территории? В кафе?

–Просто хочется где-нибудь посидеть, отдохнуть среди людей.

Зина спросила Володю, может ли к ней на выходные прийти подруга детства.

–Конечно же, о чем ты спрашиваешь? И вот она пришла, как прежде, кокетка, ее подруга детства, ее Алла. Они радовались встрече, обнимались. Она немного постарела, не полная, с короткой стрижкой. От былой красоты не осталось и следа. Зина поставила на стол бутылку шампанского, как бы

праздник, давно не виделись, неудобно было на сухую, скажет, что жадина. Они вспоминали как играли с ней в куклы, которые сами шили и рисовали лицо. Потом увидели в магазине куклу. Она была как настоящий ребенок, с блестящими волосами, ручки, ножки мягкие, глазки закрывались.

—Помнишь, как мы начали собирать по улице и сдавать бутылки, копили на куклу. Мама мне говорила, свои скоро куклы у тебя будут, живые. Потом моя мама не выдержала, глядя на мои старания: Что ты ходишь, собираешь эти бутылки и добавила мне денег. И твоя мама тоже добавила денег, мы пошли и купили себе этих кукол. Мы тогда, наверно, я в пятом, а ты в четвертом классе учились. А потом я увидела, как мой брат посадил мою куклу на кровать и кидал в нее ножичком, всю порезал ее. Я тогда сильно плакала. Так ее жалко было, мою первую куклу. Вспомнили как они учились свистеть.

—А помнишь, как мы учились курить. Все наши девчонки уже курили, а у нас никак не получалось. Они нас учили: — Наберите дым в рот и скажите ишак. Но у нас никак не получалось. Они говорили: — Нечего на них сигареты переводить, как научитесь, так дадим вам сигарету.

—Потом я сидела дома одна, взяла мамины сигареты, зажгла, вдохнула и упала со стола, голова закружилась, сильно кашляла. Побежала к тебе, а ты ко мне, когда встретились радостно в один голос кричали: — Я курить научилась! И я тоже, только сейчас. Тогда мы считали, что от этого мы сразу

стали взрослые.

–Помнишь? Как мы пошли в магазин, набрали пудры, румяна, помаду и начали красится. Тоже тогда наверно считали себя взрослыми. А постарше стали, самогонку отолью у мамы с банки, воды подолью, чтобы не видно было. Пришла как-то мама с тетей Шурой с вечеринки, налили себе самогонки в рюмки, а тетя Шура говорит: -Да это же не самогон, а вода. А мама говорит: – Да ты уже дура пьяная не соображаешь.

Тогда я тебе рассказала эту историю, говорю – у меня уже нельзя отливать, пошли к тебе. А ты говоришь – у меня нельзя отливать, там мама на банке черточку поставила. А ты отлей, а водички налей. Мама не заметит, я же так делала. Потом мы у тебя пили.

Как-то мама выгоняла самогон и пришла тетя Шура и они начали дегустировать, так на дегустировались, что тетя Шура начала шататься и задела банку, она упала и все вылилось на пол. И они на четвереньках лакали ее с пола. Сами хохочут, падают, но лакают. Вот фотоаппарата не было заснять их.

–А помнишь? Как ты пришла ко мне с кубинской сигарой, говоришь – давай попробуем. Мы пошли на улицу в туалет. Никак не могли ее раскурить. Потом выходит моя мама, а мы ее никак не можем потушить.

–Помнишь, как штаб в камышах строили? Как яблоки зимой воровали у соседей из погреба. Как зимой в камышах,

где болото было, каток сделали, потом друг к другу на коньках прикатывали. Как на Пасху взяли коробки из-под обуви, пошли сели вдоль дороги, а нам в коробки бросали конфеты, печенья, яйца. Зина и Алла долго смеялись до слез, вспоминая приключения своего детства. Алла начала говорить про Игоря:

–Сколько у него девчонок было, ходил то к одной, то к другой. И с тобой дружил и со мной. К Наде ходил и с другими встречался, которых ты не знала. Рылся в девчонках, не знал какую бы ему выбрать? Все девчонки были красивые, но он не женился ни на тебе, ни на мне, ни на других, а женился на этой страшной Лидке. В армию его так никто и не провожал. Когда пришел с армии, думал, что он тут самый красивый, парень нарасхват, а уже все его подружки замуж вышли. Вот ему только эта Лидка и досталась.

–А что его жалеть, если бы он встречался с одной, все было бы хорошо. А кто за двумя зайцами погонится – ни одного не поймает. А он сразу со всеми любовь крутил, хотел, чтобы его все любили. Бегал то к одной, то к другой, как пес бездомный. Непостоянный он был, бабник. Я это давно поняла и потому с ним не стала встречаться. Чем с таким – так уж лучше одной. Чем слезы о нем проливать. Я сколько плакала. А мама мне говорила: – Зачем он тебе нужен, вот так и будешь всю жизнь у окна стоять в слезах, ждать его. А эта взяла сразу и забеременела. А он как хотел? Не нужно было со страшными спать, спал бы с красивой девушкой, была бы

и жена красивая. Хотя какая разница, какие яйца, главное, чтобы человек хороший был. Они смеялись, вспоминая прошлое.

Володя сидел рядом с ними и улыбался. Наверно ему было интересно узнать о Зине побольше.

–Какая красавица была, эта Алла.

–Она? Да ты в 100 раз красивее ее.

Зина начала вспоминать. Когда Алла была моложе у нее были длинные, ниже плеч, волосы, большие глаза, длинные ресницы, она красиво, модно одевалась. А Зину мать все время таскала за волосы, потому она носила короткие стрижки и одежду матери или брата. Она вздохнула – а теперь все наоборот.

Прошло пару недель. Зина прилегла днем на диван в зале и задремала, ей приснился очень странный сон: Зина идет по колхозному полю и кушает морковь. Навстречу ей идет человек с ружьем. Видимо сторож. Она сильно испугалась и говорит: – Я ничего с поля не воровала, а морковка из моего дома, хотите возьмите кушайте. Она подала мужчине надкусанную морковь.

Внизу под горкой стояла большая, крытая грузовая машина. Мужчина толкнул Зину, она скатилась вниз под горку. А он кому-то крикнул: Забирайте ее тоже туда. Зина заглянула под брезент в кузов. Там лежали люди на двух-ярусных полках, с двух сторон. Ее посадили в кабину. Там с водителем сидела еще одна женщина. Привезли в большой город. Ма-

шина остановилась в пробке. Зина открыла дверь и выпрыгнула из машины в толпу людей.

На большой площади что-то странное происходило. Звук, как рой мух жужжали. В толпе сильный переполох, волнение, страх, суета, люди хаотично снуют. Все как в ускоренном кино, потом все замерли, стояли как вкопанные. Вдруг из толпы вверх, как кол, начал медленно подниматься, невысокого роста, полный мужчина. Это было совсем рядом с Зиной. Она лицо не видела, оно было уже вверху. Она увидела только туфли и брюки. Как только он исчез в небе из виду, в толпе наступил покой, все как ни в чем не бывало, как обычно, пошли по своим делам. Зина проснулась от ужаса этого сна. Ей было страшно. Она выскочила на улицу и подумала, что в эту минуту кто-то умер.

Через несколько дней позвонила Алла, она плакала и сказала, что ей позвонили с России и сообщили, что умер ее брат. Послезавтра, в воскресенье, будет 9 дней, попросила прийти. Зина уговорила Володю поехать с ней к Алле на поминки брата. Почему-то она сильно побаивалась ее мужа Виктора.

Она вспомнила, как Алла говорила, что, когда они поженились, он подбирал по масти собак, ловил и убивал их. Сшил себе полушубок и шапки, шил и продавал их. Он даже когда был молодой, был нелюдимый, насупленный, сильно заросший черными волосами, она еще тогда его боялась. Она чувствовала, от него идет какая-то не хорошая, негатив-

ная энергетика. Но не пойти она не могла, очень близкие с детства друзья и она и Петр.

—Подружишься с новыми друзьями, ровесниками, у них тоже дом, может опыта наберемся, может растениями разживемся. Володя согласился. Виктор ждал их в условленном месте на машине. Володя и Зина доехали туда на такси, заблудились, долго искали улицу, переругались. И уже хотели ехать обратно домой. Потом Виктор их нашел сам. Он долго ругался, что Алла неправильно назвала улицы.

—Эти бабы, дуры, тупые, ничего доверять нельзя, надо было самому объяснить. Эта дура бестолковая.

—Да? А мужики еще тупее баб, всех вместе взятых. Заступилась Зина за подругу.

Когда Зина увидела Виктора в машине, она была просто в шоке от увиденного. Раньше он был черный, лохматый как бобик, брови закрывали глаза. А тут волос черных уже не было, седина, лысина. Но это было еще ничего по сравнению с тем, что все его лицо было испещрено свежими, розовыми шрамами. Нос, щеки, лоб, борода, веки, как будто его лицо собирали по кусочкам и шили.

Это было ужасающее зрелище. Просто маска зла на лице. Как из фильма ужасов. Говорят, что в детстве, в молодости, мы почти все красивые, потом с годами лицо приобретает выражение характера человека. Потому бабушки в старости бывают с добрыми лицами, их даже морщины не портят, а иные похожи на бабу ягу.

Виктор поставил на стол вино домашнего приготовления. Очень кислое. Зина отказалась пить. Володя немного выпил. А Зина маленькую рюмочку пила глотками, чтобы не обидеть хозяев, хватило на весь день. Виктор был очень злой:

—Я не хочу даже пить за этого Петра. Я буду просто пить для себя. Когда мать ослепла, он позвонил: —Я поездом отправлю вам мать, встречайте. А я говорю: —Вот ты квартиру ее продай, деньги ей отдай, а с деньгами мы ее встретим.

—Вот оказывается, как мать им нужна была, только ее деньги. Подумала Зина.

—Алла, почему же ты мать не забрала к себе? Неужели в большом доме не нашлась для нее кровать и чашка супа?

—Она же жила с Петром. Виктор психовал, нервничал:

—Петр занимал хорошую должность, был большим начальником, доставал всем квартиры, машины, дачи, всем был нужен. Потом, когда запил, все от него отвернулись, он не нужным стал никому, все на него наплевали. Я не хочу про него говорить и пить, я лучше пойду на улицу, что-нибудь подделаю. Алла рассказала, что Виктора чуть-чуть не загрызли собаки:

—Лицо все, тело немного, руки, ноги, чудом выжил. Его сшивали по кусочкам.

Алла начала частенько звонить и напрашиваться в гости:

—Ты видела, какой у меня муж, я его уже видеть не могу, только орет и орет. Вот у тебя муж обходительный, культурный, красивый, так за тобой ухаживает, сразу видно, что он

тебя любит.

– Да нормальный у тебя муж. Работяга, везде порядок, в сарае каждая вещь висит на своем месте, в огороде сам все делает, вино виноградное, яблочное делает, да еще и продает. Хозяйственный.

– Да. Тебе бы моего мужа, я бы на тебя посмотрела.

– Что-то я не помню, чтобы я тебя с ним знакомила или сводила. Сама себе его выбрала, сама малолеткой за него выскочила. Значит – тогда он был хороший? Зина подумала:

– Вот дела? Она мне еще и завидует! Пожила бы она моей жизнью, завыла бы уже давно, а я еще держусь. Алла начала настаивать на встрече.

– Я тебе позвонила, никто не брал трубку. Я тебя ждала возле магазина, думала раз в магазине нет, значит на базар пошла. До вечера прождала. Я вам с Володей такой пирог вкусный привозила, хотела угостить, я бы и рецепт дала, ты бы потом сама такой дома делала.

– Я ходила в другой магазин выше. Шла другой дорогой.

– А почему ты ходила в другой магазин, почему ты не ходишь который рядом по дороге. Ты мне не сказала, что еще где-то магазин есть. Я бы туда пошла. Я тогда завтра приеду, пирог вам привезу. Ты дома будешь?

– Ты что думаешь, что нам дома есть нечего, я тоже пироги пеку. Но мне не приходит в голову ездить и раздавать его. Ешьте сами.

– Мы не съедим, он сильно большой, пропадет. Ну можно

мне к тебе приехать?

—Нет.

—Ну почему?

—У меня много дел в огороде, подготовка к зиме, все обрезать, укрыть надо. Зине пришлось на нее накричать, она ее уже начала выводить из себя.

—Слушай, тебе что, дома делать нечего? Почему тебе обязательно надо где-то болтаться. Что тебе дома не сидится? Что ты едешь в такую даль, через весь город? Займись домашними делами.

—Я вино привезу.

—Эту кислятину, нет, спасибо.

—А что, водки привести или коньяк?

—Я не пью ни водку, ни коньяк и посиделки мне не нужны.

Мне некогда. Понимаешь ты это или нет? Ну что ты как маленькая. Хорошо. Если ты так хочешь приехать, если дома делать нечего, приезжай, я тебе тут работу в огороде найду. Будешь со мной в огороде работать.

—Нет. Я не приеду. Ладно, пока. Сказала Алла грустным, плачущим голосом.

Позже, при разговоре по телефону с Аллой, Зина как бы невзначай сказала, что Володя работает с электричеством, его часто бьет током и потому у него там плохо работает. Алла стала звонить реже и перестала напрашиваться в гости. При разговоре она все время рассказывала и спрашивала про Игоря, она говорила, что они друзья с ее мужем и он часто

бывает у них дома.

Разлука

Лада тяжело ходила по огороду, как надутый шарик. Она была беременная.

–Володя. Лада с большим пузом ходит. Скоро у нее будут котята. На улице уже снег. Как она будет на морозе, скоро котята появятся. Они ведь замерзнут?

–Ничего. Она найдет где-нибудь место в сарае, для себя и для своих котят. Она же где-то ночевала до этого времени.

Уже поздно. Пора спать. Зина выключила телевизор, свет, посмотрела в окно.

–О Боже! Зина увидела, как Лада с большим пузом прыгает и бьется лапками и животом в закрытое окно веранды и кричит истошно. У Зины сердце защемило от боли, она заплакала.

–Лада, милая моя, ну что я могу сделать для тебя? Это ведь не мой дом. Я здесь не хозяйка, а хозяин не велел тебя пускать в дом. На улице всюду снег, холод, иди в сарай, найди там себе теплое место. Милая моя кошечка.

Разговаривала Зина с кошкой через окно, но кошка ее не слышала. Она продолжала прыгать на двух лапках, цепляясь за подоконник передними лапками. Она падала и орала и снова продолжала прыгать и биться животом о стенку закрытой веранды.

–Как на это можно смотреть? Господи! За что мне все это?

Когда все это уже кончится? Что мне делать? Научи.

Зима входила в свои права. Начало октября. Но вчера с утра повалил сильный снег. Все бело от снега. На улице -6. Воскресенье. Зина утром вышла на улицу. Под навесом, рядом с входной дверью, она увидела лежащих мертвых котят, а рядом сидела Лада. Она обиженно, с укором смотрела на хозяйку. Зина зашла домой, она сильно плакала.

-А что, кушать ничего нет? Я читал, что жена должна вставать в 5 часов утра и готовить мужу еду. Володя говорил с иронией в голосе и с улыбкой на лице.

-Что? Закричала Зина, вытирая с лица слезы рукой.

-Все! С меня хватит! Прости. Прощай. Она зашла в маленькую комнату, взяла большую сумку и начала туда складывать свои вещи.

-Не делай этого, я прошу тебя. Я так привык к тебе. Я без тебя не смогу жить. Ты самая лучшая. У нас все будет хорошо.

-А лучше уже и некуда. Она замотала кошку в полотенце, сунула ее под куртку и ушла.

Зина приехала домой. В квартире тепло и хорошо. Только немного пыльно.

-Милая моя кошечка, вот и все. Мы с тобой дома. И нам никто не нужен. Будем жить теперь с тобой вдвоем, в гордом одиночестве. Ты хоть успела трахнутья.

Зина ходила в магазин. Купила себе пиво, еды себе и кошке. Она сидела, пила пиво, запивая его соленой слезой.

Она плакала и думала, как ей теперь жить на свете без любви, без любимого человека, с большим разбитым сердцем и огромной кровоточащей раной в душе.

Несколько дней она жила мыслями и воспоминаниями о Володе, она его видела везде, слышала его нежный голос, видела его доброе лицо с милой улыбкой. Она жила душой с ним и не знала, как пережить эту горькую разлуку. Она никак не могла свыкнуться с мыслью, что теперь у нее новая, другая жизнь без него. Она тихо плакала и засыпала. Она просыпалась и снова плакала.

Она увидела на столбе объявление, там в ближайшее кафе, рядом с ее домом, требовалась посудомойка.

—Как раз мне сейчас нужна такая тупая, ни к чему не обязывающая работа. В зиму пойдет, тепло и сыто, и кошке еду принесу, да еще рядом с домом. Чтобы успокоиться среди людей и ни о чем не думать. Да и деньги уже нужны. За квартиру чем-то надо платить. Она не хотела больше работать в отделах, где работали одни бездельники, где царило лицемерие, разврат и хаос.

С ней работали женщины, все молодые, веселые. Нинка моложе ее на 5 лет. Рассказывала, что нагуляла ребенка, сама не знает от кого.

—Я всем парням говорила, что беременная, с кем была в это время, всем пятерым. Но никто не признавал ребенка, только один, но это точно не от него, признал, но жениться не стал, только согласился платить алименты.

–Ты что, сразу с пятерыми была? Как это?

–Ну. Не сразу, так, в течении месяца.

–Тебе что? Так сильно это дело нравится?

–Теперь сильно нравится. А тогда не очень. Я просто с братом старшим поругалась. Он меня сильно доставал. Из дома убежала, ночевала где придется, у подруг, у парней.

–А что так сильно поругалась? Что из дома убежала.

–Да он вообще придурок, больной, избил меня сильно.

–И что? Женится никто не захотел?

–Думаешь, что так легко замуж выйти? Им всем надо только переспать, а потом ищи, свищи ветра в поле. А женится никто не хочет, как свое получают, так к другой бегут. Мне один так и сказал: –Что я дурак женится, если девки и так дают, сами на шею вешаются.

–Зина. А тебе с твоим нравится?

–Да не очень. Зина сразу всем сказала, что она замужем. Она все еще думала о Володе.

–Другого заведи. Не со всеми одинаково. Вот когда я со своим мужем познакомилась, ну мы сначала так жили. Пришел его друг, с цветами, с бутылкой, выпили, не хватило, он послал меня в магазин за пузырем, за продуктами. Его друг увязался, говорит: –Сигареты надо купить. Уже темно на улице было, летом, он начал приставать, а я думаю, я же не замужем еще, можно. С ним так хорошо было. Потом ночью, когда мой ушел спать, а его друг прямо на кухне меня на пол повалил, а я боюсь, вдруг мой проснется. А его друг

так впился в меня, как пиявка, не могу оторвать его от себя, а так было сладко, просто ужас какой-то. Я его с себя толкаю, вырываюсь, потом опять сладко, так бы и лежала, не вставала всю ночь. Так хорошо с ним было, как ни с кем так хорошо не было. Думаю, может мне с его другом остаться, кое-как из-под него убежала. А утром мой полез, думаю нехорошо как-то, всю ночь была с его другом, с этим уже не охота, хочу с его другом. Своему сказала, что не получится, месячные пошли. Он говорит: -Слава Богу, а то я подумал, что ты тоже с ним была. С какой женщиной познакомлюсь, он приезжает, переспит и уводит.

-Куда ему столько? Смеялись женщины.

-А он говорит: он их потом под других мужиков подкладывает и деньги с них берет. Вот тогда я подумала: хорошо, что я с ним не осталась, чуть на сутенера не нарвалась, Бог миловал.

-А я вообще без этого дела не могу жить. Когда с мужем разошлась, к другой ушел, думаю с ума сойду без мужика. Мама говорит: а как же мы после войны без мужиков жили? Как сказала мне одна женщина, что ее жалеть, умрем, все равно ее мураши съедят. Ну сейчас вот нашла себе мужика, уже 3 года живем. А без него жила, так ищешь с кем бы переспать. Как-то прихожу утром домой с гулянки, мама говорит: иди помойся, я баньку истопила, пошла в баню, помылась, стала подмываться, думаю, а что это у меня там торчит, потянула, а это презерватив остался. Все начали смеяться

—Ой, я уже не могу, у меня уже живот от смеха болит, ну вы даёте! А Зина думает:

—Опять грязь, везде грязь. Разве не стыдно им такое про себя друг другу рассказывать? Наверно вся жизнь состоит из грязи. Разве без этого нельзя жить? И что, вся это грязь называется любовь. Значит любовь, такое светлое, чистое чувство, это просто грязь? Или это просто распущенность? Как можно дальше жить, все противно.

А что же я хотела, я опустились на самое дно этой жизни, докатилась до посудомойки, куда же еще ниже падать, ниже уже некуда. Нет, надо идти на фабрику работать. Там хоть одна буду, среди машинок бегать. Скажу всем, что вышла за муж, чтобы не приставали и не учили как мне жить. Так и проходит моя жизнь. И вся мимо меня.

А что же делать? Если я не могу переступить через себя, через свою совесть? Ну стыдно мне. Но почему? Может я трусливая? Забитая мамой и братом? А может — гордая? А может я просто дура? Не могу жить как все, со всеми подряд. Мне, видите ли, по любви надо. Все веселые, все счастливые, никто не страдает от любви, от угрызения совести. Наоборот, даже хвастаются о своих подвигах публично.

А Зина приходила домой, тосковала и плакала, вспоминая Володю. И чем больше проходило время, обида на него проходила, а на ее место приходила горечь и обида за свою никчемную, никому не нужную жизнь. И так болело сердце, как будто оторвался от него кусочек и остался в доме Воло-

ди. И чем больше проходило время, тем больше было. Она приходила с работы, не могла долго уснуть, все думала о нем. Обнимала пустую подушку думая, что обнимает его, так и засыпала за полночь в слезах.

Весна. Апрель. Воскресенье. Зина сидела на той же заветной скамейке в скверике.

—Почему я никак не могу его забыть. Все как тогда. На мне было темно— коричневое платье и бежевый костюм. Как и сегодня. Он подошел, взял меня под руку и повел. Это было как наваждение. Почему тогда я с ним пошла? Его завораживающий, тихий, нежный, ласковый голос. Его нежная, милая улыбка. Он такой милый, добрый, красивый, но почему же все не так?

Ведь я не сопротивлялась, я его любила, я его желала. Почему же так? Почему ничего у нас не сложилось? Почему? Ведь все было хорошо, никакой пошлости, никакой наглости. Все было так чисто и красиво. По щекам Зины текли слезы. Она мысленно представила, как он подошел, взял ее под руку, и они пошли. И шли, шли вон туда. Она не заметила, как оказалась у его ворот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.